

АНДРЕЙ СНЕГОВ

РЕИНКАРНАЦИЯ

S-T-I-K-S

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S

Андрей Снегов

S-T-I-K-S. Реинкарнация

«Автор»

2023

Снегов А.

S-T-I-K-S. Реинкарнация / А. Снегов — «Автор», 2023 — (S-T-I-K-S)

Максим попал в постапокалиптический мир - Улей, который превращает людей в чудовищ, и лишь избранным дарит вечную молодость и сверхъестественные способности. Он встретился со своим двойником, который хочет его убить. Выживет ли он в новой, полной смертельных опасностей реальности? Раскроет ли загадки чужого прошлого, для того, чтобы открыть для себя будущее? Найдёт ли мистический выход из Улья? Миры Артёма Каменистого.

© Снегов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Снегов

S-T-I-K-S. Реинкарнация

ГЛАВА 1

Сознание вернулось к Максиму яркой болезненной вспышкой. Он лежал на спине с закрытыми глазами, ощущая тошноту и слабость во всем теле. Из зарешеченного окна били потоки слепящего света. Ему казалось, что белые протуберанцы жалят даже сквозь закрытые веки.

Боль двумя огненными потоками текла по зрительным нервам в основание черепа и образовывала там тугий узел, который ритмично пульсировал в такт медленно бьющемуся сердцу. Мысли путались и напоминали вялых улиток, неспешно ползущих по случайным маршрутам.

Максим попытался сосредоточиться, но ничего не вышло: даже собственное имя плавало в вязком тумане где-то на периферии сознания. Туман! И отдающий кислым запахом разложения и глена! Он вспомнил, как возвращался домой вчерашним вечером в изрядном подпитии, кляня вечно жгущих мусор соседей.

Максим открыл глаза. Черно-белое, залитое ярким светом изображение качнулось, накренилось сначала вправо, затем влево, и, наконец, стабилизировалось. Взгляд сфокусировался на плоскости белого потолка, расчерченного тонкой паутиной ломаных трещин.

Поворот головы дался нелегко, но вместе с подступившей к горлу тошнотой пришло понимание, что он находится в собственном доме: замысловатые фиолетовые вензеля на отслаивающихся от стен обоях и старые семейные фотографии в деревянных рамках не оставляли в этом никаких сомнений.

Макс потянулся к стакану с водой, стоящему на тумбочке, и ощутил на правом запястье холодное кольцо. В панике он попытался вскочить с кровати, задержался, будто пойманный в силки зверь, но наручники на обеих руках и лодыжках, пристегнутые к металлической раме, держали крепко и позволяли лишь приподнять конечности над кроватью. Резкие движения породили оглушающий лязг металла о металл и пронзительные вибрации боли. Сознание снова утонуло во тьме.

Человеческие крики и утробное низкочастотное урчание, доносящиеся с улицы, вернули его из забытья. Он аккуратно напряг руки и ноги, медленно приподнял голову, чтобы оглядеться, и убедился, что одет в камуфляжную форму и все так же пристегнут к кровати в собственной спальне. В ярком свете, льющемся из окна, он узнал привычный интерьер.

Небольшая комната, помимо кровати и тумбочки вмещала старый, дышащий на ладан трехстворчатый деревянный шкаф, массивный письменный стол, две книжные полки над ним и вращающееся кожаное кресло с высокой спинкой. Между столом и дверью, ведущей в коридор, висели настенные маятниковые часы, которые уже лет десять показывали одно и то же время.

Накатила тошнота, он откинулся на подушку и вдруг осознал, что теперь часы идут, отсчитывая секунды с глухим металлическим звоном. Возможно, последние секунды его жизни.

– Здравствуй, Макс!

Он вздрогнул, не сразу поняв, откуда донесся знакомый голос, и снова приподнял голову. Собственное имя и фамилия всплыли откуда-то из глубин неконтролируемой памяти – Максим Гордеев.

В кожаном кресле перед ним, заложив ногу за ногу, сидел незнакомец. Направленный из-за его спины свет не позволял разглядеть лицо, был различим лишь силуэт мужчины, облаченного в военную форму и высокие черные берцы. В руках он держал автомат.

– Плохо тебе, вижу, уже пару часов жду, когда очухаешься, – произнес незнакомец. – Видимо, удар не рассчитал, извини. Но затылок у нас с тобой крепкий, я знаю!

– Кто ты? – прошептал Макс, разомкнув пересохшие губы и с трудом ворочая опухшим языком. – И что тебе от меня нужно?

Мысли метались словно испуганные рыбки в темном аквариуме. Максим был обычным программистом, заканчивал пятый курс университета, долгов и врагов не имел, не практиковал милитари или секс в наручниках, в армии не служил, и даже предположить не мог, почему и как оказался в военной форме и стальных браслетах.

– Ты скорее поверишь собственным глазам, нежели моим объяснениям, – заявил сидящий в кресле человек и рассмеялся.

Он положил автомат на стол, встал и сделал два шага к кровати, на которой лежал Максим.

– Непорядок! – незнакомец покачал головой и оборвал листок отрывного календаря, висящего на стене.

Квадратик бумаги с надписью «26 июня» закружился по комнате и опустился на пол. Мужчина проводил его взглядом, сел на кровать и с ухмылкой посмотрел на Максима. У Макса перехватило дыхание: в незнакомце он узнал самого себя. То же узкое скуластое лицо, серые глаза, густые, сходящиеся к переносице брови, прямой с небольшой горбинкой нос и темно-русые короткостриженные волосы.

Снова двоение в глазах, снова тошнота, на этот раз от осознания абсурдности ситуации. Макс зажмурился, а когда разомкнул веки, увидел все то же отражение своего лица и взгляд, источающий иронию и любопытство.

– Макс, меня тоже зовут Макс. Я – это ты, или ты – это я, формулируй так, как тебе больше нравится. Кстати, входную дверь я открыл собственным ключом. Судя по семейным фотографиям на стене, твоя реальность практически не отличается от моей, по крайней мере, на первый взгляд.

Двойник вынул из кармана связку ключей и положил их на тумбочку рядом с комплектом таких же. Затем сел на кровать и медленно провел ладонью по щеке пленника.

– Удивительно – видеть себя со стороны. Не в зеркале, а во плоти. Я исследовал каждый сантиметр твоего тела, пока надевал на тебя форму. Мы похожи, словно близнецы. Ты даже спишь нагишом, как и я!

Сидящий на кровати парень рассмеялся, продолжая пристально вглядываться в глаза своей закованной в наручники копии.

– Воды дай глотнуть, горло пересохло, говорить не могу...

Макс тянул время, окончательно осознав, что происходящее с ним – не сон и не галлюцинация. Он лихорадочно перебирал варианты, объясняющие явление незнакомца: от абсолютно реального возвращения блудного брата-близнеца до совершенно фантастического попадания в некий виртуальный мир.

– Не вода тебе нужна, а живец! – сказал двойник, отстегивая от пояса армейскую фляжку, и добавил с иронией. – И волшебная таблетка!

Он ухмыльнулся и поднес к лицу Макса матово поблескивающий шарик, зажатый между большим и указательным пальцами.

– Извини, Нео, красную капсулу предложить не могу, а синюю ты уже выпил, – теплая ироничная улыбка незнакомца резко контрастировала с холодным взглядом и жестким изгибом губ. – Глотай! Если выплюнешь, удавлю уже сейчас!

Он зажал Максиму нос, грубо затолкал шарик ему в рот и, дождавшись, когда тот его проглотил, отвинтил крышку армейской фляжки и приложил горловину к пересохшим губам пленника.

– Пей, студент, пей, только не выплевывай и не выблеивай, – незваный гость снова рассмеялся. – Хочу немного с тобой пообщаться. Сейчас нечасто случается поговорить с умным образованным человеком, вокруг только урки и старательно под них косящие. А разговор с самим собой во плоти – недостижимая мечта для каждого рефлексирующего индивида!

Жидкость, остро пахнувшая спиртом и чем-то затхло-кислым, потекла в рот. Запах у пойки оказался тошнотворным. Вкус был не лучше – кисло-сладкая сивуха, слегка отдающая тухлятиной. На глазах Макса выступили слезы, он закашлялся и попытался отстраниться от фляги.

– Пей давай, не дури! – раздраженно процедил двойник и с силой сжал челюсти пленника пальцами левой руки, не давая тому возможности повернуть голову или закрыть рот.

Металлическая горловина фляжки сильно давила на губы, и Максим перестал сопротивляться. В голову пришла совершенно неуместная мысль о том, что мучитель – правша, как и он сам. Максиму показалось, что к тому моменту, когда стальная хватка ослабла, и поток льющейся в горло жидкости прекратился, он выпил не меньше стакана мерзкой спиртовой настойки.

– Вот и молодец, вот и славненько, – сказал двойник, запрокинув голову, и допил остатки воняющей старыми носками жидкости.

На Макса накатывало опьянение. Головная боль медленно ослабевала, уступая место бодрости: его перестало мутить при каждом резком движении, а затекшие мышцы налились энергией.

– Ожил? Полет нормальный? – парень захохотал и вытер выступившие на глазах слезы таким же жестом, каким это всегда делал Макс. – Вот и выпили за знакомство! Теперь спрашивай или проси о чем угодно кроме освобождения: у нас есть немного времени.

Макс встретился с суровым решительно-снисходительным взглядом, таким же, каким раньше одаривал многих своих собеседников и понял, что просить двойника о спасении из плена, не зная его истинных намерений и мотивов, бессмысленно.

Макс хорошо себя знал и был уверен лишь в одном: его собеседник, если он, действительно, является его копией, прежде всего – рациональный до мозга костей человек, временами решительный и жесткий, но никак не маньяк или беспринципный убийца. А еще ему должны быть не чужды сантименты.

– Мать ничего не рассказывала о брате-близнеце, где ты пропадаешь столько лет? – забросил пробный шар Максим, оценивая реакцию собеседника.

– На жалость пытаешься надавить? – сказал двойник и взъерошил непослушный ежик волос Макса. – Забавно находиться рядом с человеком, который не только является твоим клоном, но думает и действует так же, как ты сам. В детстве каждый из нас мечтал иметь брата, помнишь? Но моя сознательная жизнь прошла в интернате, мать погибла слишком рано, а отца я вообще не знал.

– Песенка про меня, – тихо произнес Максим. – А еще у тебя, как и у меня, ее серые глаза и русые волосы. Кто ты?

Двойник отвел взгляд, медленно завинтил крышку фляги, пристегнул ее к поясу Макса и снова посмотрел на него с любопытством и толикой интереса. Макс счел за лучшее промолчать и дожидаться продолжения диалога.

– Здесь, в Стиксе, меня зовут Умником. Стикс или Улей – без разницы, так местные жители называют этот мир. Думаю, ты, как и я, тот еще любитель фантастики и знаком с понятием «Мультиверсум». Твоя и моя Земля – всего лишь две из множества параллельных миров, отличающихся друг от друга в той или иной степени. В каждом из них существует своя Рос-

сия, своя Москва, свой дачный поселок «Рассвет», и свой Макс. Есть тысячи или миллионы похожих, но не одинаковых Максов, которые имеют шанс оказаться в Улье. Звучит как бред сумасшедшего, но поверь – все это правда.

– Я не на Земле? – Макс сделал паузу и пристально всмотрелся в такие же серые, как у себя самого глаза, пытаясь понять, не является ли все происходящее розыгрышем. – Что означает попадание в Улей, и почему он так называется?

– Представь себе копию Земли, поверхность которой разделена на множество ячеек, сот или кластеров, называй эти участки так, как тебе нравится. В Улье прижилось понятие «кластер». И кластеры эти являются полными копиями территорий одной из многочисленных воплощений Земли. Периодически эти самые участки перегружаются, и здесь, в Стиксе, старый кластер исчезает, а на его месте появляется новый, идентичный прежнему, но из другой реальности.

– Садовое товарищество «Рассвет» – один из таких кластеров?

– Да, точнее, его часть. Он перегружается примерно раз в пять лет.

– Значит, ты попал сюда пять лет назад?

– Лишняя информация: пять лет я здесь или двадцать – не имеет для тебя никакого значения, – раздраженно ответил двойник.

– А вернуться в свой мир возможно?

– Все считают, что эта опция доступна только внешникам.

– А внешники – что за звери?

– Тебя сейчас интересует именно этот вопрос? – в голосе Умника прорезалась злость. – Возможно, уже через час ты станешь холодным трупом, а для разговоров времени и того меньше. Кстати, на помощь звать бесполезно, большинство твоих соседей уже не люди и жрут друг друга за обе щеки, либо сами стали пищей.

Будто в подтверждение его слов за окном снова прозвучали истошные вопли, шум ломаемых ветвей и утробные рыки.

– Слышишь эти звуки? Вот о чем ты должен спрашивать! – подсказал Умник, высоко подняв брови.

– Люди здесь становятся каннибалами? – ошарашенно спросил Максим.

– Не совсем. Но уже теплее. Большая часть инфицируется и превращается в существ, на первом этапе похожих на зомби. Эти твари думают только об одном – как схарчить меньшую часть, оставшуюся людьми в результате наличия иммунитета. Если зараженные не могут сожрать иммунного, то едят друг друга. Мы с тобой как раз иммунные, счастливики, которым несказанно повезло. Вот только везение это – лишь иллюзия, потому что живые здесь частенько завидуют мертвым.

Умник с горькой иронией посмотрел в глаза Максиму, крепко сжал его плечо, а затем встал с кровати и подошел к висящим на стене часам. Задумавшись, он наблюдал за длинной красной стрелкой, неумолимо отсчитывающей оставшиеся секунды жизни Макса. Неожиданно Умник остановил маятник, медленно обернулся и застыл, будто изваяние. Яркий свет, бьющий из-за его спины, мешал рассмотреть выражение лица.

– Иногда мне кажется, что убийство новичка в первые дни его жизни здесь – это проявление сострадания, – отрешенно сказал он и, скрестив руки на груди, присел на край стола.

– Ты хочешь меня убить? – спросил Макс, уже не стараясь скрыть предательскую дрожь в голосе.

– Я не планирую тебя убивать в общепринятом смысле этого слова. Ты нужен мне как средство, которое позволит провести очень важный эксперимент. Точнее, первую его фазу, – Умник закрыл глаза и тяжело вздохнул. – Устал я, Макс, устал просто безмерно! На отдых пора, на пенсию, в привычное и безопасное место...

– То есть, шансов остаться в живых у меня нет? – растерянно уточнил Максим.

– У тебя их нет в принципе. Даже если освобожу и отпущу восвоюси, даже если дам в руки оружие – все равно погибнешь.

– Но ты же как-то выжил много лет назад?

– Все верно, но тогда мне очень помогли, – на миг взгляд Умника потеплел, и он расслабился.

– Если я в любом случае схохну, почему бы тебе просто не освободить меня?

– Это исключено, потому что бессмысленно, – во взгляде Умника мелькнуло сожаление. – Я опробовал на тебе довольно опасное сильнодействующее средство – ключ к выходу из этого мира. У нас с тобой одинаковая ДНК, и ты – идеальная подопытная крыса. Кстати, как твое самочувствие: улучшается или ухудшается?

– Какая разница, если ты все равно намерен меня убить?

– Пока ты нужен мне живым, – ответил Умник, задумчиво поглаживая цевье автомата. – Волшебная таблетка уже действует. Именно поэтому меня интересует состояние твоего здоровья. Поверь, это далеко не праздное любопытство...

Что-то заслонило бьющий из окна свет, и комната завибрировала от утробного низкочастотного рыка. Раздался звон разбитого стекла, и Умник бросился на пол. По барабанным перепонкам Макса ударил оглушительный стук автоматной очереди. Пули свистели, рикошетили от стен и решетки, но рев не прекращался. Более того, он стал громче и начал переходить в яростный клеткот, сопровождаемый дребезжанием и надрывным глухим стоном гнущегося металла.

Оглушающий грохот автоматной очереди стих, и Макс приподнял голову. Решетку окна, которую его дед в лихие девяностые сварил из строительной арматуры и на полметра утопил в толщу кирпичной стены, держали две огромные когтистые лапы.

Громкий скрежет снова полоснул по ушам, и неведомое существо выдернуло металлическую решетку вместе с частью стены. На пол посыпались осколки кирпичей, стекла и фрагменты штукатурки.

Яростный рев возобновился, и в полуразрушенном проеме окна показалась огромная уродливая голова. Большею частью она состояла из гипертрофированно развитых челюстей, усеянных двойным частоклом клыков. Комнату заполонила тяжелая мускусная вонь, и чудовище начало протискиваться внутрь, цепляясь длинными когтями за стены и утробно рыча.

Умник появился перед монстром с автоматом на вытянутых руках. Он возник перед ним будто из воздуха и сразу начал палить в широко раскрытую уродливую пасть. Дробный грохот выстрелов утонул в оглушающем клеткоте, и зверь забился в предсмертной агонии, загребая лапами воздух в том месте, где секунду назад стоял Умник. Наконец, пятась, тварь вырвалась из комнаты в безуспешной попытке спастись, с шумом опрокинулась спиной на землю и затихла.

Макс потерял дар речи от ужаса. Ему казалось, что он очутился в страшном кошмаре, во сне, какого не видел за всю свою недолгую жизнь. Еще несколько минут назад он почти примирился с новой реальностью, но теперь разум наотрез отказывался верить в происходящее.

– Вот почему у тебя нет шансов, – хладнокровно произнес Умник, материализовавшийся за спиной Макса, забросил автомат на плечо и медленно прошествовал к разрушенному окну.

Он выглянул сквозь дыру в стене наружу, затем развернулся, поднял с пола опрокинутое кресло, сел и с облегчением откинулся на мягкую спинку.

– Еще один отбегался, – устало заключил Умник и посмотрел на Максима. – Накладка вышла: Грин перестарался. Приманил кусача, а должен был – лотерейщика, ну максимум – топтуна. Заставь дурака Богу молиться...

Договорить он не успел, потому что в проеме стены показалась огромная узловатая лапа. Опасность Умник почувствовал слишком поздно, не почувствовал даже, а догадался о ней

по расширившимся от страха глазам Макса. Предпринять он ничего не успел – чудовищные когти сомкнулись вокруг головы Умника и с глухим хрустом оторвали ее от тела.

С протяжным рыком в комнату вломилась еще одна тварь – точная копия первой. Отбросив окровавленную голову в сторону, она с размаха полоснула когтями по ножкам кровати. Кровать ударилась о стену, перевернулась набок, и Максим повис на металлической раме, удерживаемый только наручниками. Пребывая в полном ступоре, он наблюдал за приближающимся монстром. Его глаза широко распахнулись, рот открылся в немом крике, а тело била крупная дрожь.

Максим прощался с жизнью, вспоминая пророчества мертвого ныне двойника, и вдруг в комнате появился еще один персонаж. В разрушенный проем окна запрыгнул человек со светящимся пистолетом в руках и, мгновенно прицелившись в затылок рычащей твари, сделал несколько приглушенных выстрелов. Монстр дернулся, обернулся и лягнул челюстью, пытаясь сожрать стрелка. Раздался еще один выстрел, и чудище, исторгнув предсмертный рев, распласталось на полу.

– Черт! – прошептал Макс и, с трудом уняв рвотные позывы, отключился.

ГЛАВА 2

Максиму снилась очень красивая черноволосая девушка. Выразительные синие глаза смотрели на него то ли с укором, то ли с раздражением, четко очерченные манящие губы двигались, но не произносили ни единого слова. Макс понял, что просыпается, когда прекрасный образ сначала расплылся, а затем и вовсе исчез из поля зрения. Он всеми силами попытался не выпасть из состояния сна, страшные кошмары которого сменились привычной утренней эротикой, но совершенно в этом не преуспел.

– Да очнись же ты, наконец! – лицо девушки снова появилось перед глазами, а вместе с ним пришла слабость и сильная головная боль. – Второй раз тебя спасаю, это становится традицией!

Макс лежал на полу в своей разгромленной комнате, рядом возвышалась уродливая туша мертвого чудовища, а за оконным проемом сгущались сумерки. Незнакомка в камуфляжной форме сидела рядом, поджав колени к груди и прислонившись спиной к стене. Он попытался пошевелиться и не почувствовал металлических браслетов на запястьях.

Спасительница смерила его критическим оценивающим взглядом и усмехнулась. Очевидно, что спасала она именно Умника, а не неведомого ей Макса. Если он представится Умником, то огребет все его проблемы и, вероятно, жизнь со смертельным исходом в обозримом будущем, а если – самим собой, то наверняка умрет уже сейчас, как и обещал его двойник. Интуиция подсказывала, что единственный выход в данной ситуации – играть чужую роль.

– Спасибо, – тихо сказал Максим и попытался сесть.

Голова закружилась, перед глазами пошли красные пятна, и он снова улегся на пол, больно ударившись затылком об осколок кирпича.

– Как же тебя угораздило вляпаться в такое дерьмо, – спросила девушка, задумчиво глядя на Максима. – Ты все же решил поговорить с самим собой из прошлого?

– Ага, ностальгия замучила, – с иронией ответил Макс, попытавшись улыбнуться.

– Судя по браслетам, твой двойник был пошустрее, чем ты пять лет назад, – с насмешкой отметила знакомка и откинула с лица непослушную прядь волос. – Ключи от них валялись на полу под часами, видимо, упали со стола.

– Я слишком хорошо помню себя прошлого и поэтому его недооценил, – импровизировал Макс, подражая манере разговора двойника. – Он ждал меня на крыльце. Вырубил ударом бейсбольной биты по голове и заковал в мои же наручники, а когда я пришел в себя, нагрянули кусачи.

– На тебя охотятся все, даже зараженные, – девушка нервно усмехнулась и посмотрела в окно. – Я не мстить явилась, просто захотелось тебя увидеть. Первым желанием, конечно, было убить, но я взяла себя в руки. Ты так часто говорил, что придешь сюда, так ждал этой перезагрузки...

Красавица наклонилась, приобняла его за шею и пристально посмотрела в глаза. Длинные черные локоны рассыпались по ее плечам, выгодно подчеркивая тонкие черты лица. Макс подумал о том, что в Улей стоило попасть уже только ради встречи с ней.

– Я все чаще размышляю о том, могли ли мы остаться вместе, – тихо произнесла девушка и мягко коснулась пальцами его щеки.

– Почему нет? – выдал Макс наугад, стараясь не ошибиться с ответом. – Наверняка смогли бы. По крайней мере, в каком-то из миров...

Он, несмотря на слабость и головную боль, обнял знакомку за шею и попытался прильнуть губами к губам.

– Я не хочу начинать сначала, – она отстранилась и взяла его руку в свою. – Не здесь и не сейчас. Опасно это, Умник. И для тебя, и для меня опасно. Рейнджер и внешник, Ромео и Джульетта Стикса...

– Две равно уважаемых семьи, во Стиксе, где встречаются нас события...

– Прекрати! – незнакомка проворно вскочила на ноги и подошла к окну. – Там твой Грин топчется, а на шум выстрелов скоро весь кластер сбежится. Мне пора – наши ждут в паре километров отсюда.

Максим оценил грациозную девичью фигуру, совершенство которой не могла скрыть даже мешковатая камуфляжная форма.

– Ты обязательно должен найти выход, – уверенно произнесла синеглазая красавица, глядя в уличный сумрак. – Я пришла для того, чтобы сказать тебе это. Напомнить про твой единственный шанс!

– Шанс выжить? – растерянно уточнил Макс.

– Шанс остаться человеком! – почти выкрикнула девушка и, не оглядываясь, шагнула в ступающий мрак.

Прекрасная незнакомка ушла, и Максим снова остался один. Кто она, что в прошлом связывало их с Умником, были они любовниками или все остановилось на этапе взаимной симпатии? Максиму не было известно ничего. Он четко понимал лишь одно: разговор с каждым человеком, который знал Умника, будет подобен хождению по минному полю, и любой неверный шаг сможет привести к смерти.

В голове роились безрадостные мысли. Он оказался в чужом мире, более похожем на фантазию голливудского сценариста, чем на реальность. Судя по всему, предупреждения Умника об опасностях, подстерегающих его в Стиксе, были не простым запугиванием или преувеличением.

Кусачей Максим уже видел, и было совершенно очевидно, что против них у него, действительно, нет ни одного шанса. А сколько здесь еще тварей и каких, он даже представить себе не мог. В голову приходили лишь агрессивные мобы из компьютерных игр и жуткие образы из фильмов ужасов.

Но монстры были не единственной из вырисовывающихся проблем. Макс должен выбрать роль, которую будет играть в этом мире. Если, конечно, выбор существовал. Остаться для всех хорошо знакомым Умником или представиться самим собой – какой из сценариев дарил больше шансов на выживание?

Максим ничего о Стиксе не знал, но то, что он успел увидеть, пугало до дрожи в ногах. Быть новичком-одиночкой в мире Стикса, не обладая знаниями и опытом Умника, означало верную смерть. Выжить здесь можно только в компании старожилов. Но зачем им зеленый нуб, который уже забыл, как держат в руках автомат?

Интуиция и логика подсказывали, что существует лишь одно правильное решение – продолжать носить маску Умника и дальше. Это был очень опасный ход, но единственно возможный.

С улицы послышался шум торопливых шагов, и в помещение проник блуждающий луч фонаря, заставивший отвернуться и зажмуриться. Кто-то запрыгнул в комнату через проем в стене и, хрустя осколками кирпича и штукатурки, двинулся к Максиму.

Макс открыл глаза. Он увидел склонившегося над ним зеленоглазого парня. Тот опирался на приклад автомата и улыбался во все тридцать два зуба.

– Очнулся! Ну наконец-то, Умник, я уже переживать начал! – счастливое выражение лица юноши источало смесь обожания и собачьего восторга. – Пришел к назначенному тобой времени, а ты здесь пол отлеживаешь!

Макс представил себе, как парень лижет его нос и лает, преданно виляя пушистым хвостом. Видение вызвало невольную улыбку, и потрескавшиеся губы отозвались болью.

– Я знал, что ты справишься, – юноша уверенно кивнул и указал лучом фонаря на труп кусача. – Сейчас споранами разживемся, а, возможно, и с горохом повезет!

Парень выпрямился, сделал несколько шагов к распростертому среди обломков стен и мебели телу чудовища и достал из-за пояса нож.

– Подойди сюда, мне свет нужен, – попросил он, присел на корточки перед монстром и протянул фонарь.

Макс попытался встать, но боль и слабость усилились, голова закружилась, и он снова повалился на пол.

– Умник, я все еще не понимаю: как ты мог так облажаться, – парень вернулся и в недоумении выгнул дугой бровь. – Ты же сам учил меня быть всегда начеку, а сюда шел, понимая, что кластер после перезагрузки – тот еще аттракцион хищников!

Юноша отстегнул флягу, отвинтил крышку и молча протянул ее Максу. В нос ударил уже знакомый кислый запах сивухи. Максу очень хотелось узнать, что это за субстанция, но он счел за лучшее не задавать лишних вопросов, чтобы себя не выдать, и приложился к горлышку. Жидкость обожгла язык и горячим потоком устремилась в желудок.

– Пей, половина твоя. Ты не представляешь себе, как я рад видеть тебя живым. – Парень искренне улыбнулся и с неподдельной теплотой посмотрел на Макса. – В первый момент, когда зашел и увидел труп, чуть сам в обморок не свалился: я же без тебя из этого кластера не выберусь, а стрелка километрах в пяти отсюда, если не дальше!

Макс вернул ополовиненную флягу и почувствовал, что боль отступает, а тело снова наполняется энергией. Не зря эту мерзость называли живцом. Он оглядел разгромленную комнату и, несмотря на явное улучшение самочувствия, ощутил, что погружается в пучину отчаяния.

Вокруг был враждебный мир, о котором Макс не знал ровным счетом ничего, а окружающие принимали его за Умника, который не только выжил в Стиксе, но и был способен противостоять множеству угроз. Самым разумным решением было бы открыть парню правду, но шестое чувство никогда не подводило Макса, и сейчас оно во весь голос требовало этого не делать.

– Жизнь удалась! – удовлетворенно заключил новый знакомый, опорожнив фляжку несколькими большими глотками. – Тебе уже лучше?

– Да, все норм, давай фонарь – посвечу.

Они присели перед трупом кусача, юноша достал из-за пояса армейский нож и сделал разрез на кожистом мешке, расположенном у основания черепа монстра. К удивлению Макса, операция оказалась бескровной и вместо кровоточащей плоти он увидел похожую на сахарную вату массу из переплетенных оранжево-желтых нитей.

– Еще и на спек заработали, – парень довольно улыбнулся, вытащил из кармана небольшой мешочек и переместил в него содержимое разреза. – Рассортируем потом. Пойдем на улицу, нас ждет еще один пациент.

Второй кусач лежал на спине под развороченным окном. Они изрядно потрудились, переворачивая неподъемную тушу набок, а затем парень повторил уже знакомые Максу манипуляции.

– Умник, что происходит? – спросил он, пряча объемный мешочек в рюкзак. – Я про спек шучу, а ты не читаешь обычные лекции о его вреде и даже не угрожаешь застрелить меня извращенным путем, если хотя бы к нему прикоснусь!

– Успею еще с лекциями, – Макс хлопнул юношу по плечу и вернулся в разгромленную комнату.

Он вспомнил, что где-то среди обломков должен лежать автомат и вещмешок или рюкзак Умника. Будет странно, если он бросит оружие и вещи, уйдя налегке. Парень по имени Грин, которого упоминали двойник и синеглазая красавица, наверняка его не поймет.

Калаш пришлось вызволять из-под туши кусача, а с рюкзаком, точнее, с его отсутствием, возникли проблемы. Макс обыскал всю комнату, но совершенно безуспешно. В процессе поиска он обнаружил свой айфон и аккуратно положил его в нагрудный карман. Максим предполагал, что телефон вряд ли пригодится в Стиксе, но решил сохранить его как материальное напоминание о прежней жизни.

Вдруг Макс понял, где нужно искать вещи Умника: там же, где их оставляет он сам. Это было достаточно очевидно, учитывая, что они не близнецы даже, а нечто большее: две одинаково мыслящие личности, хотя и сформировавшиеся в разных мирах.

Рюкзак покоился в углу прихожей и был очень тяжел: в нем лежали несколько упаковок патронов, пара гранат, пистолет, короткий альпеншток, запасные магазины к автомату, армейский нож, аптечка и пакет с нижним бельем. Нож Максим повесил на пояс, изрядно повозившись с защелкой. Пистолет и прочую военную амуницию он решил не доставать, и ознакомиться с ней позже.

Надев на плечи потертый увесистый рюкзак, Макс захватил с собой бейсбольную биту, которую когда-то приобрел по случаю его дед, и фонарь – неременный страховочный источник света в любом дачном домике.

– Умник, что ты там потерял? – раздался голос парня с улицы. – Я скоро здесь в землю вращу.

– Твою невинность, что же еще, – проворчал Макс, засунул биту в рюкзак и решительно направился к входной двери.

Убедившись, что замок заперт, он вернулся в комнату, взял с тумбочки свой комплект ключей, перешагнул через труп кусача и, стараясь не смотреть на изуродованное тело Умника, вышел на улицу. В новой реальности ключи от его убогого жилища не представляли никакой практической ценности, но ему был нужен символ, маяк, живое напоминание о доме, в который он все еще надеялся вернуться в будущем.

Небо алело отблесками огня, а дым пожарищ сменил собой кислый туман. Где-то вдали раздавались истошные, наполненные ужасом вопли людей, приглушенное рычание и хлопki выстрелов. Уличные фонари не горели.

Макс запрокинул голову и с тоской посмотрел на небо. Звезд не было – лишь сплошная серая дымка, подсвеченная мерцающими красными сполохами. Он чувствовал себя все лучше, мыслительный процесс постепенно обретал привычную ясность и вкупе с обостренным восприятием раскрашивал картину нового мира во все более мрачные цвета.

– Хватит звездочетом работать, пойдем, деды уже заждались, – с нетерпением сказал Грин и, забрав у Макса один из фонариков, чуть ли не вприпрыжку побежал по заросшему саду к воротам.

– А может, поедем? – осторожно предложил Максим, идя следом за новым знакомым.

– А есть на чем? – Грин остановился и, развернувшись, в ожидании ответа уставился на Максима.

– У соседа во дворе Крузак стоит, заглянем и заодно проведаем хозяина, – Макс повернул налево и, уклоняясь от низко свисающих яблоневых ветвей, направился к забору.

– Кукурузник – это хорошо, – Грин одобрительно кивнул и последовал за ним.

Несколько пролетов хлипкого забора, отделявшего участок Максима от соседского, лежали на земле. Видимо, именно здесь прошла пара мертвых теперь кусачей. Миновав пролом, парни некоторое время осматривались, направляя лучи фонарей в разные стороны.

Английский газон соседа был вытоптан и покрыт небольшими свежими рытвинами – следами монстров, измочаленные сосны и туи лежали на земле, а в декоративном пруду рядом с крыльцом плавало мертвое тело. Максим подошел ближе, осветил окровавленное лицо трупа и узнал Леху.

Еще вчера, сидя у этого прудика со смешно разевающими рты японскими карпами, они вместе жарили шашлык, пили пиво и рассуждали о высоких материях, а сегодня разорванный монстрами сосед плавает в собственной крови с выражением предсмертного ужаса на изуродованном лице. Здравствуй, о дивный, новый мир!

– Машина стоит под навесом за домом, – помолчав, сказал Макс и указал на выложенную каменными плитами дорожку, ведущую на задний двор. – Ключи в замке зажигания. Ты иди, а я тебя догоню.

Грин молча кивнул и, вскинув автомат, с грацией кошки проследовал по цепочке камней. Максим поднялся на крыльцо и вошел в открытую дверь. Луч фонаря заметался по стенам, выхватывая из мрака знакомые фрагменты обстановки.

Миновав коридор, Макс оказался в гостиной и уверенно направился к увешанной картинами и сувенирами стене. Рамка с фотографией голубоглазой смеющейся девушки висела на своем привычном месте над телевизором. Максим бережно снял ее со стены и, глядя на фото, утонул в затопившем его разум потоке воспоминаний. Он прощался со своей привычной жизнью и прошлым, казавшимся теперь все менее и менее реальным.

Угрозу он почувствовал еще до того, как услышал раздавшийся со двора крик Грина. Резко обернувшись, Макс осветил мужчину, стоящего в дверном проеме. Тот замер в странной позе, склонив голову и вывернув правую ногу под неестественным углом. Его искривленное лицо и футболка были в крови, а джинсы покрыты сплошным слоем грязи и присохших к ней листьев. Больше всего Максима поразили глаза: они не были человеческими. Странное существо напоминало растиражированный киношниками образ зомби из фильмов про апокалипсис.

Мысль о том, что автомат перекинут за спину, и эта ошибка может стоить ему жизни, пришла слишком поздно, когда зомби, зарывчав, мощно оттолкнулся от пола и прыгнул на Максима.

ГЛАВА 3

Раздался звук выстрела, слившийся со звоном осыпающегося стекла, затем мир разом погрузился в режим слоу-моушн, а после и вовсе практически остановился. В тусклом свете медленно мерцающих вспышек Макс увидел застывшего в прыжке, словно подвешенного на незримые нити зомби, и с трудом преодолев сопротивление густого как кисель воздуха, метнул в него то единственное, что оказалось в правой руке – тяжелый фонарик.

В следующее мгновение реальность снова пришла в движение: фонарь с огромной скоростью врезался в голову монстра, и она разлетелась на части как спелый арбуз. Зомби мешком свалился у ног Макса, а сам он кулем осел на пол совершенно без сил.

Грин, не переставая стрелять, запрыгнул в комнату сквозь разбитое окно веранды и буквально нафаршировал уже мертвое тело пулями.

– Что происходит, Ум? – прокричал он, восстанавливая сбившееся дыхание. – Это всего лишь прыгун, тебе его убить – как муху прихлопнуть!

Парень замолчал, подошел ближе, присел перед Максом на корточки и озадаченно посмотрел ему в глаза.

– Я случайно увидел, как ты застыл словно изваяние с автоматом за спиной, – уже спокойнее добавил он, будто оправдываясь. – До этого момента даже мысли предупредить тебя не было! Ты же – клокстопер, ты же рубера можешь кухонным ножом завалить!

– Я очень не вовремя погрузился в воспоминания о жизни на Земле, – растерянно ответил Макс и протянул Грину рамку с фотографией.

Он осторожно взял в руки фото и долго рассматривал изображение, подсвечивая фонариком.

– Она очень красивая, – расстроено сказал он после минутной паузы. – Ты знал ее на твоей Земле?

– Бывшая, – кивнул Макс. – Дела давно минувших дней...

– У меня таких не было и, наверное, никогда не будет, – с грустью сказал Грин.

– Все будет, ты тоже – красавчик, – ответил Макс, улыбнувшись.

– Ты меня утешаешь или за идиота держишь? – возмущенно воскликнул Грин. – Здесь, в Стиксе, у меня только шлюхи в борделях могут быть, но ты-то знаешь, что я даже подходить к ним брезгую, не говоря уже...

Он замолчал, вернул фото и, пружинисто поднявшись, с горькой улыбкой на дрогнувших губах прошел к кухне.

Максим медленно встал, опираясь спиной о стену. Правая рука отяжелела и болела так, будто он целый день безостановочно метал молот. Макс попытался сжать ладонь в кулак. Суставы взорвались болью, пальцы задрожали от напряжения, но практически не двигались.

Если он – клокстопер, останавливающий время, то это последствия броска в режиме чудовищного ускорения, больше никаких объяснений в голову не приходило. Нужно как-то сказать об этом Грину, не выдав собственной растерянности и беспомощности.

– Я мышцы порвал, рука болит страшно, стрелять смогу только левой, – небрежно уведомил Макс.

– Спасибо за предупреждение, Кэп, – ответил Грин, деловито шаря по шкафам. – С дурной головой можно и хер сломать, а ты сегодня не в форме, так что про сортир лучше забудь. Иди сюда, нужно найти водку и набодяжить живца. А если уксус обнаружится, то и горох употребим.

– Водки здесь нет, есть только виски, – морщась от боли, Максим открыл бар, вытащил бутылку Чиваса и поставил ее на столешницу. – С кулинарией тебе тоже не помогу.

– Ладно, барменом сегодня буду я, кутнем как настоящие джентльмены, доставай вторую, – Грин усмехнулся, положил фонарик на стол и, открыв бутылку, сделал большой глоток. – А ты поведай мне пока, что происходит. Если продолжишь так воевать с каждым прыгуном, я привезу в стаб не Умника, а лишь безжизненное недвижимое тело. Нужно будет влезать в долги для оплаты твоего лечения. Учитывая, что без тебя я рейнджер никакой, отрабатывать придется разве что задницей. И такая блестящая перспектива меня ничуть не радует!

– Откуда ты знаешь, вдруг тебе понравится, еще благодарить будешь, – ответил Макс, поддерживая заявленный стиль общения. – Сейчас глотну живца и соберусь, обещаю.

– Тогда будь добр, разомни пока левую руку, – скабречно ухмыльнулся Грин и, сделав паузу, добавил. – Проверь наш улов.

Он вытащил из рюкзака мешочек, в который собрал странную субстанцию из напоминающих половинки чеснока затылочных наростов кусачей, развязал его и протянул Максиму.

Макс аккуратно вытряхнул содержимое на стол. В оранжевых, похожих на свалывшуюся паутину нитях лежали шарики разного размера. Что нужно делать с этой россыпью, по всей видимости, ценного материала оставалось тайной.

– Посвети, пожалуйста, – попросил он Грина.

– Ты что, споран от гороха отличить не можешь? – парень удивился, но взял фонарик и направил луч в оранжевую паутину. – Везет как утопленникам: одна горошина с двух кусачей!

Максим взгляделся в предметы, похожие на мелкие серые виноградины, и выделил среди них один мутно-желтый чуть большего размера, чем остальные. Он, судя по фразе Грина, и являлся горохом.

– Держи, – сказал Макс, вытащил шарик из спутавшихся нитей и протянул Грину.

– Сейчас будем лечить твою руку, укус я уже нашел, – Грин с торжествующим видом посветил на маленькую початую бутылочку.

Он достал высокий стеклянный бокал, вылил в него уксусную эссенцию и бросил в нее горошину. Затем вытащил из оранжевой паутины два спорана, открыл вторую бутылку виски, и засунул по одному в каждую.

– Такой продукт переводим! – Грин взял бутылки в обе руки и, широко улыбаясь, картинно прижал их к груди. – Chivas Regal 25! Мой папаша убил бы, узнай, что мы портим бодрящий аромат вонюю старых нестиранных носков! Но что не сделаешь для разнообразия, нельзя же только водку глотать!

Грин поставил бутылки на стол, затем поднял бокал и, посветив сквозь него фонарем, удовлетворенно хмыкнул. Он долил воду из стоящего на плите чайника и, высунув от усердия кончик языка, начал медленно процеживать полученный раствор сквозь кухонное полотенце.

Макс молчал: он не знал, как реагировать на замечания и действия нового знакомого, и потому благоразумно сдерживал сильнейшее желание получить ответы на множество вопросов здесь и сейчас. Он наблюдал за манипуляциями Грина с вполне объяснимой смесью любопытства и легкого беспокойства: в состав приготавливаемых напитков входили странные образования, добытые из черепов монстров, и напитки эти явно придется пить.

– Держи, – сказал Грин и протянул чашку Максиму. – Нам твоя рука еще понадобится, и боюсь, что уже скоро.

Максим выпил содержимое залпом, не колеблясь ни секунды. Кислота неприятно обожгла гортань и пищевод, навеяв мысли о луженых желудках, которыми должны обладать обитатели Улья.

– Смотри, что я нафайндил, пора подкрепиться, у меня живот от голода сводит, – предложил Грин, плотоядно облизываясь, и поставил на стол завернутую в пищевую пленку тарелку с бутербродами. – Я бы, конечно, борща наварнул, или пюре с котлетами, но на безрыбье и Карлсон – вертолет.

Максим снова впал в ступор. Он очень хотел рассказать Грину, что вчера спрятал недо-еденные бутерброды в холодильник и собирался приговорить их с Лехой за утренним кофе, но случился кошмар, частью которого Макс все еще не стал.

Его сознание отчаянно сопротивлялось, отталкивало новую реальность, воспринимая ее как нечто иллюзорное, временное и чужеродное. Умом он понимал, что есть лишь два решения: влиться в новый мир или погибнуть. Макс очень хотел жить, жаждал как никогда, пусть даже и в Стиксе.

Грин процедил живец и разлил его по фляжкам. Часть была распита здесь же, из тонкостенных коньячных бокалов. На взгляд Макса это была очень плохая идея, потому что запах пойла вышибал слезу даже сильнее, чем вкус, но спорить не стал. Он подумал, что оптимальный способ употребления живца – пить его из фляг или бутылок с узким горлом, задерживая дыхание. И хорошо бы заедать лимонными дольками, чтобы перебить специфический запах и вкус наверняка.

Честно признав, что в отсутствие цитрусов бутерброды все же зашли на ура, Макс отыскал среди продуктовых запасов соседа плитку шоколада и, преломив ее пополам, поделился с товарищем. Он с удивлением ощущал, что онемение и боль в правой руке проходят, тело снова наполняется энергией, а уныние в мыслях уступает натиску необъяснимого оптимизма.

Джип стоял на том же месте, где еще сутки назад его рассматривал Макс. Собственно, покупку машины они и обмывали вчера с соседом. Ходили вокруг Ленд Крузера, любовались совершенством дизайна, заводили и с видом знатоков слушали двигатель. Даже внутри посидели, подарив жителям поселка незабываемый басовый перформанс нового альбома MUSE. Сегодня по плану должен был состояться тест-драйв по разбитым гравийкам, бетонкам и грунтовкам.

– Хорошая тачка, сейчас уйдем в горизонт, – Грин рывком распахнул водительскую дверь, не предоставив Максу возможности выбора, чему тот был несказанно рад. – Запрыгивай!

Макс забросил рюкзак и автомат на заднее сидение, утонул в прохладной коже анатомического кресла с регулируемым поясничным подпором и сразу расслабился.

– Ты ничего не забыл? – Грин насмешливо посмотрел на Макса, сжимая в правой руке ключ, а левой придерживая на коленях автомат. – Сегодня моя бабушка была бы лучшим напарником, чем ты!

Недолго думая, Максим взял с заднего сидения оружие и тоже положил его на колени. Снова фейл. Уже который по счету. Его впервые посетили серьезные сомнения по поводу выбранной тактики поведения. Он начал осознавать, что вечно прикидываться Умником не сможет, и рано или поздно шитую белыми нитками легенду придется отбросить. А незнание элементарных реалий этого мира может стоить ему жизни. Ему и людям, которые рассчитывают на опыт и способности Умника.

Признаться в обмане придется, но не здесь и не сейчас. Сначала нужно стать своим. Хотя бы для этого улыбчивого парня.

– Я все правильно срисовал, – Грин удивленно скосил глаза на торчащую из рюкзака бейсбольную биту. – Ты решил известить элитников с помощью пыток в извращенной форме?

– Нет, для тебя припас! – с сарказмом ответил Макс.

– Тогда бейсбол, я сразу так и подумал, просто уточнил на всякий случай, – ехидно заметил Грин и, наклонив голову, озадаченно посмотрел на Макса. – Наша привычная парадигма общения дает сбой?

– В каком смысле, друг мой? – спросил в ответ Максим, решив, что лучшим вариантом будет отшутиться. – Ты ждешь благословения или поцелуя?

– Ремень! – Грин, не мигая, уставился на Макса. – Ты не нудишь о том, что нужно пристегиваться!

Зашелкнув замок, парень молча завел машину и, вдавив педаль в пол, с пробуксовкой рванул вперед. От удара переднего бампера хлипкие сетчатые ворота распахнулись и слетели с петель как бутафория в дешевом индийском боевике. На повороте джип занесло, он задел левым боком низкую лавочку, а затем, выбив гравийной шрапнелью частую дробь по металлическому забору, выровнялся и понесся по направлению к выезду из поселка. С трудом удержав автомат на коленях и съеденные бутерброды в желудке, Максим потянулся за ремнем безопасности.

Они ехали с выключенными фарами. Ленд Крузер шел мягко, подвеска поглощала неровности полуразбитой деревенской дороги, и Макса начало клонить в сон. Грин уверенно рулил, сосредоточенно глядя в сумрак, и периодически ругал неполную луну, дающую слишком мало света. Автомат на коленях дарил чувство уверенности, но Максим понимал, что оно иллюзорно, особенно с учетом отсутствия опыта владения автоматическим оружием.

– Включу фары, – хмуро уведомил Грин. – Сдохнуть, врезавшись в бетонный столб, хочется еще меньше, чем от зубов элитника.

Дальний свет выхватил из темноты неширокую пустую дорогу и близко подступающие стены деревьев по обе стороны от нее. Они ехали по направлению к федеральной трассе, но впереди была тьма и полная неизвестность.

Жалкие крохи сведений о Стиксе, полученные от Умника, рисовали в воображении Макса карту местности, похожую на огромное лоскутное одеяло, сшитое из кластеров – осколков разных миров. Скоро они приедут в какой-то из них, если снова не нарвутся на очередного представителя местной фауны.

– Ты уверен насчет света? – осторожно уточнил Макс, подобрав максимально нейтральную по смыслу фразу.

– Зараженных поблизости я пока не чувствую, а деревья скроют нас от тех, которые пробираются к поселку вдали от дороги. У них там сегодня шабаш, и чем дальше мы от него окажемся, тем безопаснее для нас, – Грин напряженно посмотрел в зеркало заднего вида. – К тому же Фил с Профом заждались уже.

– Я не успею среагировать, если кто-то выскочит из леса, – неуверенно предположил Максим, не понимая, как тварей можно чувствовать.

– Расслабься, я предупрежу тебя заранее, а если встретим элитника с даром невидимости, то мы в любом случае нежилыцы, – Грин повернулся к Максиму, в темно-зеленых глазах, окаймленных длинными черными ресницами, читалась ехидная насмешка. – Ужель боишься, друг мой Горацио?

– Не больше, чем ты – встретиться с бетонным столбом, – лениво парировал Максим. – Мы, кстати, едем уже сто пятьдесят в час.

– Думаешь, прав лишат? – Грин добродушно улыбнулся. – Ну наконец-то, слышу знакомые песнопения, давай, оберегай меня, оберегай и заботься, а то я начал подумывать, что тебя подменили.

– Папа вернулся и уже снимает ремень, готовься: когда приедем, я тебя отшлепаю за плохое поведение, – вымученно отшутился Макс.

– Плохое поведение – играть в молчанку и ни словом не обмолвиться о цели поездки в эту глухую пердь. Ты обещал все рассказать по возвращении. А сейчас молчишь как рыба об лед. Я твой должник и за тобой на край света пойду, но два наших высоколобых товарища не столь доверчивы и благородны. Им, конечно, греют души твои рассказы о выходе из Улья, но даже я слушаю их уже третий год. А они – лет пять, как минимум. Я догадываюсь, что хороших новостей нет, и поведать тебе нечего – более унылым говном, чем сегодня, я тебя еще никогда не видел. Ум, мне ты можешь вообще ничего не рассказывать, но если желаешь сохранить нашу команду, придумай какую-нибудь историю для Профессора и Философа. Иначе мы с тобой

останемся вдвоем. Сенс и хардкиллер, конечно, сладкая парочка, но наши шансы на выживание в этом прекрасном мире отнюдь не удвоятся.

Макс с унынием смотрел на уходящую под капот серую ленту дороги. Он и предположить не мог, о какой истории идет речь. Даже не понимал, как правильно ответить Грину, который располагал к себе все больше и больше, чтобы его подозрения о подмене Умника не обрели статус железобетонной уверенности.

Если бы этот мальчишка знал, насколько ирония по поводу подмены Макса близка к истине, то, возможно, прикончил бы его, не останавливая машину. Хотя какой он, к черту, мальчишка: скорее всего, одноклассник или около того. Как же сложно общаться вслепую, не зная ничего, или почти ничего ни о людях, ни о мире, ни о прошлом своего предшественника!

Некий прогресс, конечно, присутствовал: словарный запас пополнился понятиями ругань и элитник, причем последний может обладать неким даром. Кто такие Философ и Профессор можно было лишь догадываться, здесь, судя по всему, в ходу клички, а не имена. Но кем бы они ни были, скоро придется общаться еще с двумя незнакомцами, о которых он не имеет ни малейшего представления. Если просто проколется, то его убьют, если серьезно налажает – отпустят на съедение кусачам, руганям и элитникам. Первый вариант выглядел даже предпочтительней, чем второй.

Что ж, придется до поры до времени мимикрировать, играть выбранную роль, узнавать о прошлом Умника и его знакомых, изучать Стикс и всеми силами пытаться понять, как отсюда выбраться. Умник говорил, что выход из Улья существует. Загадочная незнакомка тоже упоминала некий выход, который должен быть найден. Значит, придется искать...

Громкий визг тормозов выдернул Макса из потока невеселых размышлений.

ГЛАВА 4

Джип тормозил юзом, свет фар тонул в расстилающейся прямо по курсу стене клубящегося тумана, а в салоне отчетливо воняло чем-то кислым.

– Твою же мать, держись! – закричал Грин и дернул ручник вверх.

Ревя мотором, машина в полицейском развороте сместилась на встречную полосу, под истошный визг тормозов ушла по дуге на обочину, начала заваливаться направо, затем рванула вперед по траве, еще раз с пробуксовкой повернула налево, и, наконец, подпрыгнув, выехала на ровный асфальт.

Оттянув ремень, Макс наклонился и поднял упавшие ему под ноги автоматы. Грин сосредоточенно смотрел вперед, его высокий лоб прорезала рельефная вертикальная складка, густые черные брови почти сошлись на переносице, а на высоких тонко очерченных скулах играли желваки.

– Перезагрузка кластера, ну почему именно сейчас? – он крепко сжал руль и, выругавшись, вдавил педаль газа в пол. – На сутки, если не больше, путь закрыт, а другой дороги нет. Что будем делать?

– Возвращаемся, иного варианта я не вижу, – спокойно ответил Макс, скрывая душивший его страх неизвестности. – Ни в лесу же приключения на задницу искать!

– Пожалуй, ты прав, сейчас все твари ломанутся из поселка в свежий кластер, – задумчиво произнес Грин. – Я даже не знаю, что безопаснее: прятаться в лесной чаще или в хлипком дачном домике.

– Отсидимся где-нибудь, – предположил Макс, перебирая в уме варианты.

– Согласен, если не дашь умереть со скуки, – Грин снова белозубо улыбнулся и, придерживая руль левой рукой, забрал у Макса свой автомат. – Мне с оружием спокойнее, бади: сегодня первый день жизни в Улье, когда на себя любимого я надеюсь больше, чем на тебя.

Грин выключил фары, но на этот раз ехал медленно, внимательно всматриваясь в крошечную тьму. Максим не видел вообще ничего, кроме отсветов пожарищ над дальней кромкой леса. Чем больше он размышлял об изменившейся ситуации, тем яснее осознавал, что находиться среди троих опытных жителей Стикса гораздо безопаснее, чем рядом с одним, который все еще рассчитывает на его помощь в случае нападения зараженных.

– Впереди несколько тварей, – буднично и спокойно заявил Грин и снова включил дальний свет. – Тихо просочиться не удалось. Их пять или шесть. Скорее всего, вожак со своей стаей. Покрошим в капусту, заодно выманим оставшихся из поселка, все же безопаснее будет.

– Они на дороге? – уточнил Макс, четко артикулируя, чтобы скрыть предательскую дрожь в голосе.

– Ты же знаешь, что мой радар не настолько совершенен, – Грин усмехнулся и указал вперед. – Бегут навстречу как зайцы в луче света.

– А остальные где?

– Они дальше, двое справа и двое слева от дороги, – Грин с иронией посмотрел на Макса, – в клещи берут. Если все пойдет не по плану, херачь их битой, это верняк!

– Я постараюсь оправдать твои ожидания, – заявил Макс и встретил смешливый взгляд Грина открытой улыбкой, пряча за ней всепоглощающий страх.

– После того как застрелишь первых, я сброшу скорость и развернусь, будем валить оставшихся, – Грин снова засмеялся и хлопнул Макса по плечу. – Что такое «тачанка» еще помнишь?

– Еще с гражданской – «наша гордость и краса»!

– Точно, – Грин улыбнулся и подал ему свой автомат. – Зажми коленями, только яйца себе не отстрели. Вернешь после разворота. И джип в дуршлаг не разнеси, он нам еще понадобится.

– Яйца – в решето, машину – между ног, и поддать тебе после разворота, – Макс одарил собеседника теплым лучистым взглядом. – Я все правильно запомнил?

– Да, Рэмбо мой плюшевый, – в темно-зеленых глазах Грина плясали озорные искры. – С предохранителя только снять не забудь.

Максим стрелял из автомата лишь несколько раз в жизни на военных сборах. Все это происходило на полигоне, патроны выдавались под счет, и действие было похоже скорее на профанацию, нежели на реальный тренинг. Мишени были неподвижны, результат не интересовал никого, включая капитана, и студенты воспринимали стрельбище как развлечение, не более того. Спортивный азарт, конечно, присутствовал, но сейчас, по прошествии нескольких лет, Макс с трудом вспомнил, в каком положении переключателя ведется одиночный, а в каком – автоматический огонь.

Вдали показались цели. В ярком свете фар силуэты быстро приближающихся длиннорукых тварей не давали представления об их внешнем виде, по крайней мере, Макс.

– Бегуны, – негромко проронил Грин. – Я торможу, открывай окно.

Цифры на спидометре начали обратный отсчет. Макса прошиб холодный пот, сердце стучало где-то в области горла, а руки дрожали, словно в лихорадке. Грин смотрел на дорогу, был сосредоточен и, казалось, не обращал на состояние напарника особого внимания.

Стекло бесшумно поползло вниз, и в салон ворвался теплый ночной воздух. Он принес с собой ароматы июньской ночи, щедро приправленные дымом пожаров. Макс отстегнул ремень, высунулся в окно, взял автомат на изготовку и поставил его в режим одиночного огня.

Несмотря на плавное снижение скорости, дистанция быстро сокращалась. С трудом выудив из памяти полузабытую информацию о кучности стрельбы, зоне поражения, разбросе и отдаче, Максим решил, что стрелять ближе, чем за сто метров, совершенно бессмысленно.

Он взял на пляшущую в бешеном танце мушку фигуру левого бегуна. Грохот выстрелов показался оглушительным, а отдача – катастрофической. Хотя к этому моменту машина катилась с черепашьей скоростью, вести прицельный огонь было практически невозможно. Пули били в асфальт и обочину, в деревья, растущие вдоль дороги, но только не в цель.

Макс был близок к отчаянию, когда левый бегун споткнулся, кувыркнулся через голову и, пролетев по инерции несколько метров, замер без движения. Второго он расстрелял почти в упор, когда джип полностью остановился. Затем мешком осел в кресле и понял, что страх куда-то пропал, в мозгу бушует адреналиновая буря, и он готов к новым приключениям.

– Я же говорил – Рэмбо, – Грин смотрел на него с нескрываемым любопытством. – Одиночными, значит, завалил. Про тачанку я пошутил, приятель. Эвакуируйся, будем играть в охоту на волков, следующие бегуны уже близко. Твоя справа.

Грин вышел из машины, взял оружие на изготовку и остановился в ожидании. Макс последовал его примеру. В наступившей тишине был отчетливо слышен треск веток и приглушенные рыки бегущих тварей.

Первой из леса появилась парочка со стороны Макса. Монстры двигались довольно быстро, но он начал стрелять, лишь когда они приблизились вплотную, на этот раз в автоматическом режиме. Первый сразу упал на землю и покатился по траве, а второй даже после нескольких ранений бился в агонии до тех пор, пока Макс не выпустил пулю ему в голову. В угаре боя он не заметил, что напарник наблюдал за всеми его действиями с бесстрастным выражением лица и отвернулся лишь после того, как прозвучал последний выстрел.

Грин положил автомат на капот и достал из-за пояса пистолет. Он широко расставил ноги, распрямил плечи и прицелился, держа оружие в вытянутых руках. Дождавшись, когда

первый бегун окажется на расстоянии нескольких метров, Грин уложил его выстрелом в лоб. Второго он завалил, точно вогнав пули в уродливые глазницы.

– Решил сэкономить патроны, но лишний пришлось потратить на лотерейщика, – он подмигнул, посмотрев на Макса, и достал из-за пояса нож. – А теперь – сбор лута.

Максим на негнувшихся ногах подошел к трупам бегунов. В лунном свете их кожа казалась серой, под ней крупными узлами бугрились гипертрофированно развитые мышцы. Ладони и ступни были непропорционально велики, а мощные плоские ногти являли собой совершенный инструмент для разрывания плоти. Волос на головах не было, но лица еще сохраняли человеческие черты, и тысячелетний вампир, возможно, нашел бы их привлекательными.

Макс запоздало подумал, что подпустил тварей слишком близко, и это могло стоить ему жизни. А еще он не считал патроны в рожке, и попытка перезарядить автомат с большой вероятностью стала бы смертельной. Мысль о том, что он классический нуб, ничуть его не расстроила, печально было лишь то, что в этой донельзя реальной игре ему отпущена всего одна жизнь.

Твари источали жуткую вонь, резкий запах гниения и разложения, казалось, заполнил все пространство вокруг. Макс очень хотелось зажать нос, но вряд ли бывалые жители Стикса вели себя именно так. Он достал нож, не сразу разобравшись с устройством ножен, и понял, что просто обязан изучить снаряжение при первой же возможности.

Лезвие с неприятным хрустом погрузилось между похожими на две половинки чеснока наростами. Преодолевая брезгливость, он засунул руку внутрь кожаного мешка. Отсутствие света мешало в подробностях рассмотреть содержимое, но на ощупь оно было похоже на минеральную строительную вату. В первом мешке Макс добыл два спорана, во втором – три.

– Отстрелялись хорошо, – довольно заявил Грин, держа на ладони горох. – Хозяин тира выдал нам приз.

– Ты был достоин окуляра камеры Клинта Иствуда даже без ковбойской шляпы на голове, – сказал Макс, натужно улыбувшись. – Это – приз за артистичность.

– Склонность к театральным эффектам – моя слабость, – нехотя признал Грин, садясь в машину. – Хотел впечатление на тебя произвести. В следующий раз чернушно замочу тварей твоей битой.

– Тебе не нравится бейсбол, – парировал Макс, – все мысли занимает стрельба и автоспорт.

– Ладно, буду вести машину задорно и с огоньком, как моя семидесятилетняя бабушка, – Грин завел мотор и мягко тронулся с места.

– Впереди все спокойно?

– До самого поселка никого не чувствую, но я уверен, что твари уже выдвинулись на звук выстрелов.

– Мы едем к следующему тиру?

– Или бойне, кто знает, – Грин пожал плечами, не отрывая расслабленного взгляда от дороги. – В неведении и состоит прелесть нашего существования. Представь, что, как поет Мирон, все предрешено. Скука же смертная будет.

– Все переплетено, но не предопределено, – зачитал Макс, – но я предпочитаю смертную скуку смертельной неизвестности.

– Временами я тоже так думаю, и особенно часто в те мгновения, когда смотрю в глаза очередного топтуна или рубера, – Грин немного оживился, и машина поехала быстрее. – Взгляд элитника вообще превращает меня в конформиста, готового провести жизнь в бессмысленном созерцании горы Фудзи.

– Я бы с радостью к тебе присоединился, – искренне заявил Максим. – Не в момент близости элитника, конечно.

– Интимная близость с зараженными не входит в мои планы, – Грин улыбнулся и положил правую руку на приклад автомата. – Везжаем в поселок, в окрестностях есть несколько тварей, постараюсь прокатиться тихо.

– А, может, завалим всех и спокойно отдохнем? – Макс выставил ствол автомата в окно и безуспешно вглядывался в сумеречный мрак.

– Это станет самой большой и, что важно, последней жертвой непостоянству всего сущего с нашей стороны, – с иронией произнес Грин. – Зато умрем красиво, как настоящие воины.

– Тогда поехали туда, где виски и еда, – Макс вдруг осознал, что, не задумываясь, съел бы парочку или тройку стейков.

– Где море, виски и еда, ты нарушаешь стихотворный ритм. А дом твоего соседа – говно, хотя и двухэтажный. Не укрытие, а проходной двор. К тому же там труп лежит – отличная приманка для зараженных. Я плохо сплю, когда под моими окнами бродят и рычат эти твари.

– Так куда же держат путь благородные доны? – великосветским тоном поинтересовался Максим.

– Я прошвырнулся по этой деревне, пока тебя ждал, – Грин брезгливо поморщился, – помойка даже по меркам Улья, но один подходящий сарай обнаружил. Вход на чердак через железный люк в потолке, и стоит на окраине. Ждал тебя в нем и любовался сверху ночным пожаром, словно Нерон – горящим Римом. Не вижу причин, почему два благородных дона не могут выбрать его в качестве места для ночлега.

Джип валко съехал с асфальтированной дороги и неторопливо двинулся по проселочной. Глухо урчал двигатель, под колесами тихо шуршал гравий, мимо проплывали утонувшие во тьме дома и шелестящие листьями деревья. Помимо этих негромких звуков подлунную тишину нарушало лишь нестройное пение сверчков.

– Все, пир закончился, – заметил Грин со знанием дела. – Жрать больше некого, упыри уходят к свежему кластеру.

– Почему же некого, а мы? – с иронией осведомился Макс.

– Не родился еще тот жрач! – Грин мрачно усмехнулся и неуверенно посмотрел в окно. – По-моему, наш адрес.

Он остановил машину у деревянного забора и, открыв дверцу, бесшумно выскользнул наружу с автоматом на взводе. Огляделся вокруг и махнул рукой в приглашающем жесте. Макс взял с заднего сидения рюкзаки и, посетовав на их немалую тяжесть, покинул джип. Автомат он повесил на шею еще в дороге.

Калитка негромко скрипнула, и они вошли во двор. На первый взгляд двухэтажный кирпичный особняк представлял из себя неплохое укрытие: он стоял в центре свободного от деревьев, заросшего травой участка, а его окна были закрыты добротными металлическими ставнями. На самом же деле такая защита не являлась непреодолимой преградой для зараженных, даже Максим с его небогатым опытом отчетливо это понимал.

Шурша сухой травой, парни прошли по заброшенному газону и поднялись на крыльцо. Грин забрал у Макса свой рюкзак и, прижав палец к губам, указал рукой на полуоткрытую дверь. Бесшумно отворив ее ногой, он уверенно шагнул внутрь. На всякий случай оглянувшись, Максим последовал за ним.

За порогом его встретил слепящий луч фонаря, прожектором бьющий из темноты.

– Медленно опусти рюкзак и не трогай автомат! – обычно мягкий голос Грина звенел металлическими аккордами. – Стрелять буду без предупреждения!

– В чем дело, Грин? – Макса прошиб холодный пот. – Какие-то проблемы?

– Никаких, просто скажи, как меня зовут! – в голосе Грина прорезалась злая ирония.

– Ты издеваешься?

– Нисколько, назови имя и фамилию! – оглушающе громко крикнул он. – Или просто ускорься и отбери пистолет с фонарем! Докажи, что ты – Умник!

Макс лихорадочно размышлял. Любой психолог посоветовал бы медленно пойти навстречу, произнося нейтральные успокаивающие фразы. И это, наверное, сработало бы на Земле, где монстры не ходят по улицам, а оружие не является таким же обязательным атрибутом, как смартфон.

В Стиксе люди были другими. Он не знал, на что способен Грин, не понимал, какие отношения связывали его с Умником, и не мог рисковать, применяя шаблонные подходы.

– Пообещай не стрелять до тех пор, пока не выслушаешь меня до конца, – медленно, почти по слогам произнес Максим и бросил рюкзак на пол, – я все объясню!

– Теперь автомат: бери за ствол правой рукой, снимай с шеи и клади на пол прямо перед собой, – уже спокойнее приказал Грин.

Максим положил автомат под ноги Грину. Он не видел собеседника, но воображение нарисовало худощавую фигуру с пистолетом в вытянутой вперед правой руке и фонарем в левой.

– Медленно повернись, закрой засов, положи руки за голову и садись на диван, – Грин указал лучом фонаря на старую кушетку, стоящую у стены слева от входа.

подавив инстинктивное желание бежать, Максим дрожащими руками взялся за металлическую задвижку, закрыл дверь и отрезал путь к спасению.

– Отлично, теперь сядь, – луч фонаря переместился, освещая пространство перед кушеткой.

Пружины неприятно скрипнули, Максим облокотился на холодную стену и почувствовал, что по спине струятся ручейки пота. Грин взял брошенный Максом рюкзак, отстегнул карабин автомата и сел в кресло напротив. Темнота скрывала его лицо, и оставалось лишь догадываться о том, что он сейчас чувствует и собирается предпринять.

– Ускориться ты неспособен, что и требовалось доказать, – сухим и безжизненным голосом произнес Грин, – это нормально для нуба. Осталась последняя опция – назови мое имя и фамилию.

– Я не Умник. По крайней мере, не тот человек, которого ты знал до сегодняшнего дня.

– А что случилось с ним? – голос Грина ощутимо дрожал и срывался на крик.

– Умник мертв, – коротко сообщил Макс и запоздало подумал, что такая формулировка звучит весьма двусмысленно.

Он собрался рассказать, что виновником смерти его двойника является кусач, но тишину разорвал грохот выстрелов.

ГЛАВА 5

Три или четыре пули ударили в стену позади Макса, осыпав его шрапнелью из кусков штукатурки. В ушах зазвенело от оглушительного грохота, левый висок резануло от боли, и по лицу потекла струйка крови. На этот раз страха не было, лишь выплеск адреналина заставил сердце биться чаще. Во вдруг наступившей тишине оно стучало африканским тамбамом.

Фонарь упал, покотился по полу, и желтый луч заметался, отбрасывая ломаные тени. Сгорбленный, с поникшими плечами и пистолетом в полуопущенной руке, Грин застыл посреди комнаты, вперив в пол взгляд блестящих от слез глаз. Постояв так некоторое время, он посмотрел на Макса и молча подошел к старому деревянному буфету.

Раздался скрип открываемой дверцы, и в его руках появился графин, наполненный темной жидкостью. Грин достал два граненых стакана, тускло сверкнувших в свете умирающего фонаря и неспешно их наполнил. Он деревянной походкой направился к дивану, сел рядом с Максом и протянул ему бокал. В ноздри ударил терпкий и насыщенный запах домашнего вина. Грин, не чокаясь, выпил, поставил стакан на пол, приложил ладони к вискам и, облокотившись на стену, закрыл глаза.

– Как умер Умник? – ровным голосом спросил он.

– Его убил кусач, – ответил Максим и пригубил вино.

– Расскажи мне, как все произошло, – тихо попросил Грин, не открывая глаз.

Максим поведал историю своего появления в Стиксе и смерти Умника нарочито будничным тоном, удерживаясь от эмоциональных оценок и скоропалительных выводов. Он снова положился на свою интуицию и не упомянул о таинственной незнакомке, спасшей ему жизнь, потому что Грин явно не знал о ее визите.

В измененной им версии событий кусач убил Умника, уже будучи расстрелянным в упор. Макс пытался отслеживать реакции Грина, но в течение всего рассказа парень сидел, не открывая глаз, и медленно раскачивался взад и вперед. Когда Максим замолчал, в воздухе повисла тягостная пауза.

– Значит, ты – реинкарнация Умника, – Грин нарушил тишину и повернул голову, оценивающе оглядев Максима.

– Можно сказать и так. Но это вопрос терминологии. По сути я – Умник из прошлого, еще не обремененный годами жизни в Улье. Насколько похож на него – не знаю, если я правильно понимаю, мы с ним из разных, хотя и схожих миров.

– Почему-то я вспоминаю одинаковые картинки из детских журналов с предложением найти десять отличий, – ирония Грина явственно отдавала горечью. – Сложно видеть перед собой тебя как две капли воды похожего на Умника, но при этом не видеть его в тебе.

– Попробуй увидеть во мне меня, – предложил Макс, не отрывая взгляда от ставших почти черными глаз Грина. – Не ищи сходства или различия.

– Главное отличие в том, что ты жив, а он мертв! – Грин отвернулся и закрыл глаза ладонями, пряча слезы. – И этого я понять не могу! Он был одним из самых сильных клокстоперов в Стиксе, мог находиться в режиме ускорения до трех минут! Для него даже дюжина кусачей не были проблемой, он бы расправился с ними играючи без оружия, только с твоей сраной битой в руках, не говоря уже об автомате!

– Собственная смерть могла быть частью его плана или случайностью, – предположил Максим.

– Я не могу представить себе подобный план даже гипотетически, – ответил Грин, облокотившись на стену и запрокинув голову. – А в случайности вообще не верю. И еще одна нестыковка: зачем давать тебе белую жемчужину, чтобы через некоторое время убить?

– Что это за жемчужина?

– Она позволяет зараженному стать иммунным, если принять ее в первые часы нахождения в Улье. Здесь это самый дорогой ништяк.

– То есть, он меня спас, угробив целое состояние? – уточнил Макс с сомнением в голосе.

– Да, для того чтобы чуть позже убить, – ответил Грин, горько усмехнувшись. – Ты сам в это веришь?

– Звучит нелогично, согласен, – Макс поставил стакан с недопитым вином на пол и вытянул ноги вперед, немного расслабившись. – Возможно, нам неизвестны какие-то важные обстоятельства, которые могут пролить свет на всю эту странную историю. Он говорил о каком-то эксперименте, связанном с выходом из Улья, о том, что я – идеальный подопытный, потому что у нас одинаковая ДНК, даже интересовался моим самочувствием после приема таблетки, как он ее назвал.

– История звучала бы вполне правдоподобно, если бы речь шла о черной или красной жемчужине, – задумчиво сказал Грин, – но белая совершенно безопасна.

– По мне – хоть зеленая, – Макс вопросительно посмотрел на собеседника. – Я все равно не понимаю, о чем ты говоришь.

– О Стиксе я все расскажу завтра, – Грин поймал его взгляд и скривил губы в подобие усмешки. – Тебе еще надоест слушать мои рассказы. Да и сам Улей надоест до чертиков. А про выход из Стикса, которым был одержим Умник, мы еще наговоримся до икоты. Пока же просто поверь мне: испытывать белую жемчужину на ком-либо – абсолютно бессмысленная затея.

Максим замолчал, потому что версии у него закончились, и с опаской наблюдал за Грином.

– А еще он переделал тебя в свою форму, значит, планировал инсценировку собственной смерти, – Грин с сомнением пожал плечами. – Для чего использовать твою личность как прикрытие?

– Он сказал, что очень устал и хочет спокойствия и безопасности, хочет на пенсию...

– Спокойствия и безопасности? В Стиксе? – Грин округлил глаза от удивления. – Фил сказал бы на это что-то вроде: «Не смешите мои седые яйца»!

– Тогда остается лишь один вариант: рядом с тобой сидит все тот же Умник, и вполне успешно выдает себя за меня, – Макс усмехнулся и натолкнулся на холодный вопросительный взгляд Грина.

– Ты пытаешься мной манипулировать? Привязать к себе эмоционально, чтобы я постоянно сомневался и искал в тебе его черты?

– Их даже искать не нужно, – Макс порывисто прижал руки к груди, – мы с ним разные сборки одной и той же личности. Именно поэтому я хочу, чтобы ты поверил и осознал: я – не Умник.

– Я заподозрил это буквально в первые минуты общения с тобой, – сказал Грин с легкой насмешкой в голосе. – Внешне ты его копия, но есть множество мелких отличий: жесты, мимика, интонации, манера общения. Какое-то время я сомневался, думал, что Умник не похож на себя, потому что размышляет над какой-то проблемой, и мыслями где-то очень далеко. Я общался с тобой все более и более раскованно, даже наглел и не слышал привычных в таких случаях отповедей. А когда ты взял в руки автомат, все сомнения исчезли окончательно. От тебя пахло страхом.

– Я и сейчас боюсь, – честно признался Максим, ища понимания в темно-зеленых глазах.

– А еще ты прокололся с Oxxxymiron, – взор Грина источал сарказм. – Умник не слушал рэп, и при всем желании не смог бы поправить искаженные мною слова песни, да еще и прочитать ее. В этот момент я окончательно убедился, что ты – самозванец!

– Я заметил, что перед боем с бегунами твоя манера общения резко изменилась, – подтвердил Максим, – ирония стала острой, временами даже жестокой.

– Я просто стал самим собой, – отрешенно произнес Грин, мыслями пребывая где-то далеко. – Я испытывал очень странные ощущения: душа пела от невыносимой легкости бытия, а в сердце кипела ненависть и нетерпение, потому что я не знал кто ты, и что случилось с Умником.

– А каким ты был с ним?

– Мы все играем предписанные, навязанные или выбранные роли. В большей или меньшей степени. Я был собой, но с оглядкой. Умник никогда не позволил бы общаться в том тоне и с той степенью сарказма, которые я использовал в разговорах с тобой.

– Вы были друзьями?

– В дружбе всегда кто-то дружит, а кто-то позволяет дружить, – Грин поднялся с дивана, прошел к выдавшему виды столу и налил себе вина. – А он не позволял даже, а скорее держал меня рядом на эмоциональной привязи как веселого жизнерадостного щенка. Возможно, видел во мне младшего брата, которого у него никогда не было. А я относился к нему как к старшему. Строгому, сильному, опытному, жесткому, а иногда и жестокому. Плоть от плоти Стикса. С ним я чувствовал себя как за каменной стеной.

– А ты, значит, дружил?

– Сейчас подбираю слова, чтобы сформулировать ответ, и понимаю, что нет, – Грин задумчиво покачивал стакан, рассматривая жидкость в тусклом свете фонаря. – Уважал, боялся, боготворил, испытывал благодарность, но не дружил.

– Ты очень бурно переживаешь его потерю...

– Я что, должен выбросить его из головы через пять минут после известия о смерти!? – глаза Грина блеснули от слез. – Умник был частью моей жизни на протяжении трех лет! Он защищал меня, помогал, учил сражаться и выживать, а я в итоге стал причиной его гибели!

– Но он сам попросил тебя приманить зараженных, – медленно произнес Максим. – Кстати, объясни, как ты их чувствуешь, как призываешь?

– Это – дар Улья, каждый иммунный в Стиксе получает какую-то уникальную способность...

– Умник останавливал время, а ты можешь чувствовать и призывать монстров?

– Именно! – Грин подошел к закрытому глухой железной ставней окну и начал внимательно рассматривать крепления. – Он показал мне твой дом и приказал появиться в четко оговоренное время, ни в коем случае не раньше. А за час до этого приманить нескольких зараженных. Если бы я нарушил приказ, он был бы жив...

– Не вини себя, это либо чудовищная случайность, либо часть его плана, хотя второй вариант маловероятен.

– Зачем ты выдавал себя за него? – Грин повернулся к Максиму и окинул его тяжелым взглядом.

– Решил, что, если назову вещи своими именами сразу, меня просто убьют, – Макс пожал плечами и выгнул левую бровь. – Ты только что чуть меня не пристрелил.

– Прости, это нервы, – Грин подошел к столу и снова налил себе вина. – А ты поднимаешь бровь точно так же, как он. Я не планировал тебя убивать, если бы хотел, то не промахнулся.

– А как бы ты поступил, признайся я сразу?

– Даже не знаю, – Грин сделал паузу, завороченно глядя в бокал. – Возможно, завалил бы в состоянии аффекта. А может, нет. Я не кровожадный, меня уже мутит от насилия. Когда понял, что ты не тот, за кого себя выдаешь, решил не подавать вида и отвезти тебя к Профу и Филу. И уже всем вместе с тобой разобраться.

– Разобраться – это допрос и битва в заднице?

– Подсознательные желания управляют нашими осознанными фантазиями, – Грин усмехнулся. – Теперь я понял, в надежде на что ты таскаешь ее с собой!

– Вы очень проницательны, Евгений Ваганыч, – желчно парировал Макс.

– Иногда банан – это просто банан, без намеков, – Грин сделал глоток вина и поморщился. – Разобраться – значит пообщаться с тобой, получить необходимую информацию и решить, что делать дальше.

– И какие у тебя планы теперь? – Максим подошел к Грину, взял стакан из его рук и допил вино. – Ты слишком много бухаешь!

– Продолжать знакомиться, бади! – Грин пристально посмотрел на Макса. – Я практически не пью, если не считать живец. А сейчас у меня шизофрения развивается. Глаза посылают сигнал мозгу, что передо мной Умник, но разум противится визуальному восприятию. Меня рвет на части. Я должен сложить твой образ заново.

– Как будем складывать, – Макс съежился под тяжестью взгляда Грина. – Вином заливать, в тетрис играть или в пятнашки?

– Задавать друг другу вопросы, отвечать, и рассказывать о себе, нести все, что взбредет в голову, – Грин, не отрываясь, пристально смотрел в глаза Максиму. – Правило только одно: не врать. Если не хочешь о чем-то говорить – просто не отвечай. У нас в распоряжении как минимум сутки.

– Запретные темы есть? – без энтузиазма поинтересовался Макс.

– У меня нет, можешь спрашивать о чем угодно, – Грин отстранился от Макса и сделал шаг назад.

– Почему ты в бандане?

– В бандане? – удивленно переспросил Грин. – Тебя это реально интересует? Какие есть версии?

– Лысина, шрам, третий глаз, хрен во лбу....

Грин молча снял темно-зеленую повязку, под которой скрывались длинные волосы, собранные в пучок на затылке. Все также улыбаясь и не отрывая взгляда от Макса, он молча развязал кожаный ремешок, и по плечам рассыпались густые каштановые локоны.

– Я стараюсь оставаться человеком даже в Стиксе, – Грин отбросил волосы назад, – пытаюсь сохранить частичку себя прежнего, и прическа из моего прошлого – один из якорей. А в бою длинные волосы мешают.

– Как тебя зовут на самом деле?

– В Стиксе нет имен, есть только клички. Традиции зоны. Но для себя я решил, что все дело в сакральности истинного имени. Я открываю его лишь по-настоящему близким людям.

– Значит, для меня ты – Грин?

– Да. Пока так. Но я уникальный персонаж в Улье, потому что у меня две клички. За глаза меня называют щенком.

– Ты похож, да, – Максим засмеялся и немного расслабился, – и мне это нравится.

– Что ты говорил по поводу биты? – уточнил Грин с кислой улыбкой. – Дело не в похоти, я – щенок Умника.

– Тебя это обижало?

– Нисколько, было по барабану, когда меня так называли.

– А Умнику – тоже?

– Он парился, несколько сломанных челюстей и носов шутников решили проблему.

– Вот так сразу – в челюсть за кличку «Щенок»?

– Умник считал ее обидной, – глаза Грина снова смеялись. – Поверь, это детские игры в песочнице по сравнению с тем, что здесь творят другие.

– Выживают самые приспособленные, естественный отбор?

– Да, но мне кажется, что нормальных людей здесь больше, чем откровенного дерьма.

– Философский вопрос, – Макс потер виски. – Возможно, кто-то считает отбросами нас.

– В Улье все проще, – Грин задумался и на мгновение замолчал. – С точки зрения людей, привыкших к сытой и спокойной жизни, таких, каким еще вчера был ты сам, все выжившие здесь – жестокие и беспринципные ублюдки.

– А на самом деле?

– В целом это правильное утверждение.

– То есть, Деда Мороза не существует?

– И розовых единорогов – тоже!

– И как же ты здесь живешь?

– Я не живу, а выживаю, – Грин положил руку на плечо собеседника. – И тебе советую поменьше жалеть об оставшейся в прошлом жизни.

– Я еще не вкусил настоящего, чтобы страдать по прошлому...

– У тебя девчонка была на Земле? Или жена? Родители? Родственники?

– Никого, – Макс с досадой поджал губы. – Дед с бабкой умерли несколько лет назад и дом в наследство оставили. Тот самый, который загрузился в Улей.

– У меня папаша остался. Я, конечно, скотина неблагодарная, потому что по поводу его исчезновения из моей жизни страдаю меньше всего.

– Он тебя обижал?

– Нет, наверное, даже любил по-своему, заваливал деньгами и дорогими игрушками, – Грин убрал непослушную прядь волос со лба и замолчал.

– Тогда почему?

– Я был лишь красивой говорящей игрушкой, живым напоминанием о матери, которая умерла при родах. Ее он продолжал любить даже через много лет после смерти.

– Ты на нее похож?

– Да, она была манекенщицей, победительницей конкурсов красоты и востребованной моделью, – в голосе Грина прозвучала неподдельная грусть. – И очень хотела сына...

– Ты же не винишь себя в ее гибели?

– У нас с тобой не знакомство, а вечер откровений, – Грин смутился. – Я слишком увлекся разговором. Гости пожаловали.

Приглушенное рычание и мощный удар в железную дверь подтвердили его слова.

ГЛАВА 6

– Пришла расплата за мои неадекватные реакции, – сказал Грин, нахмурившись, и быстрым движением подхватил автомат с пола. – Твари сбежались на звук выстрелов.

– Шансы есть? – взволнованно спросил Макс.

– Шансы есть всегда, – Грин подмигнул и наскоро завязал волосы в хвост, – особенно у зараженных. Их всего пятеро, идем на чердак.

Он взял в руки фонарь и побежал вверх по узкой железной лестнице. По ступеням загремели армейские ботинки Грина, а Макса накрыла паника. Он метнулся к оружию, обо что-то споткнулся и, гремя амуницией, плашмя растянулся на полу.

– Мы не на съемках комедии, – недовольно пробурчал Грин сверху, свесив голову в узкий лаз. – Вставай и бегом на чердак!

Удары чудовищной силы во входную дверь возобновились. Максусу казалось, что он видит, как стальной лист вспучивается и выгибается. Дверь начала поддаваться и смещаться внутрь вместе с коробкой. Он подскочил и, схватив автомат, помчался по лестнице на чердак.

– Рюкзак возьми, в нем боеприпасы! – раздался сверху ироничный голос Грина.

Чертыхаясь, Максим вернулся, схватил рюкзак и снова побежал к лестнице. Когда он миновал верхнюю ступеньку, стальная дверь не выдержала и с грохотом упала на пол. В дом с рычанием бросились твари. Грин уже стоял у проема в потолке, направив вниз дуло автомата.

– А сейчас не нервничай и делай ровно то, что я говорю, – голос Грина звучал спокойно, даже деловито. – Вставь магазин и становись за крышкой люка слева от меня. Как только в дыре покажется голова – пали, не раздумывая. Только старайся по железной раме не стрелять – рикошетом может и нас зацепить.

Максим трясущимися руками развязал рюкзак, вытащил запасной магазин и со щелчком вставил его в разъем. Рычание стало громче, и железная лестница застонала под весом карабкающихся по ней тварей. Когда в проеме показалась уродливая голова, Макс нажал на курок. Выстрелов не прозвучало. Он забыл переключить предохранитель!

Автомат в руках Грина дернулся, и несколько пуль со рвущим барабанными перепонками звуком отбросили рычащего монстра вниз. Новый не заставил себя долго ждать. На этот раз Максим был наготове и уверенно вогнал три пули в уродливую башку. Еще двух упырей, показавшихся из лаза, они расстреляли вместе. Паника отступила, адреналин разгонял кровь, и Макс с удивлением признался себе, что начал получать удовольствие от боя.

– Эй, касатик! – закричал Грин, наклонившись к проему. – Иди сюда, папочка уже ждет!

Хлипкая лестница задрожала под немаленьким весом, и на край люка легли две уродливые когтистые лапы. В следующее мгновение раздался клекот, и перед Максом появился лысый затылок серо-желтого цвета, покрытый странными костяными наростами. Морда твари была обращена в противоположную сторону, а Максусу очень хотелось посмотреть чудовищу в глаза. Он желал убедиться, что в них нет ничего человеческого.

Монстр зарычал и дернулся вверх, мощно оттолкнувшись лапами от лестницы. Пытаясь протиснуться в лаз, он дергал головой, помогал себе когтями, но тщетно – люк был слишком узок. Максим приставил к затылку твари ствол автомата и нажал на курок. Под гулкие раскаты выстрелов зараженный бесформенным тюком свалился вниз, а Грин поднял большой палец вверх.

– Ты, кажется, хотел приманить всех монстров в этом поселке? – он одобрительно похлопал Макса по плечу. – Мы сделали это! С первым боевым крещением тебя, бро!

– Почему с первым, а как же бой на дороге по пути сюда?

– Это не бой был, а прицельный расстрел, – Грин подмигнул и забросил автомат за спину, – упражнения по стрельбе на меткость в условиях, максимально приближенных к боевым.

– Кого мы покروшили в этот раз? – Макс показал стволом вниз. – К нам остальные не сбегутся?

– Положили четырех спидеров и одного кусача. Почти кусача, а эту тварь не так просто убить даже из калаша! – Грин начал аккуратно спускаться в люк. – Я больше никого поблизости не чувствую. Не думаю, что они к нам на звук слетятся, рядом свежий кластер после перезагрузки, в ближайшие сутки все твари будут пировать там. Здесь они уже все подчистили, даже новых зараженных наверняка сожрали.

– Грин, мне нужна более полная информация о Стиксе. Для начала лишь самое полезная, а далее – по степени убывания важности.

– Слезай вниз, нужно закончить с ними и лечь поспать. Не знаю как ты, а я вымотан до предела.

Макс спустился вслед за Грином, и в слабеющем свете фонаря увидел, что комната заполнена обломками мебели и трупами зараженных. В нос ударил тяжелый запах разложения, смешанный с вонью немых тел, и вызвал сильнейший приступ тошноты.

– Не дрейфь, люди привыкают ко всему, даже к этому, – Грин с пониманием посмотрел на Макса и широким жестом обвел рукой комнату. – Собираем урожай и возвращаемся наверх.

Преодолевая отвращение, Макс вскрывал споровые мешки, вытаскивал трофеи и думал о том, как резко изменилась его спокойная и в целом комфортная жизнь всего лишь за сутки. Последние двадцать четыре часа принесли больше опасностей, чем он видел за всю свою жизнь. А интуиция подсказывала, что это только начало, и впереди ждут еще более тяжкие испытания.

– Тринадцать споранов и одна горошина, – объявил он напарнику и сложил трофеи в передний нагрудный карман.

– Небогатый улов, – натужно произнес Грин, затаскивая по лестнице матрас. – Неси еще один, если не хочешь спать на бетонном полу.

Макс вытащил воняющий пылью матрас из-под разбитой вдребезги кровати и полез наверх. Грин устроился у противоположного от окна ската крыши и приглашающе постучал ладонью по свободному пространству на полу.

– Устраивайся и чувствуй себя как дома, сейчас принесу вино и закуски.

– Ты же сказал, что не пьешь?

– Ты упустил одно важное слово – «почти», – Грин улыбнулся и направил указательный палец на Макса. – Мы пьем по твою душу.

– Я, конечно, реинкарнация Умника в этом брэнном мире, но ставить знак равенства между нашими душами не совсем правильно.

– Я всего лишь не употребил слово «почти», – Грин подмигнул, – почти по твою душу. Нам нужно выспаться и отдохнуть, а ты сейчас на адреналине и без спиртного не заснешь.

Покопавшись в рюкзаке, Грин снова исчез внизу вместе с фонарем, отчего чердачное пространство погрузилось в кромешную тьму. Максим сидел на матрасе, скрестив ноги, и пытался абстрагироваться от жуткого запаха, идущего снизу. Он не представлял себе, как можно есть в такой вони.

– Напомни мне завтра про растяжку, не хочу искать свои яйца по всему дому! – Грин выглянул из люка, поставил на пол коробку со снедью и одним прыжком заскочил на чердак.

Он опустил железную крышку, закрыл ее на засов и сел на матрас рядом с Максом. Налив вина, Грин прижал ноги к груди, обхватил их руками и застыл в неподвижной позе, устремив взгляд в зарешеченное чердачное окно. В тусклом свете фонаря зеленые радужки его глаз казались желтыми.

– Ты молодец, – сказал он, не глядя на Макса. – Я в своем первом бою банально обоссался от страха и спрятался под разбитую машину. После окончания стрельбы Умник меня оттуда за шкуру вытаскивал, а я вырывался, ревел как ребенок и орал благим матом. Хорошо, что шел дождь, и никто ничего не заметил, иначе меня звали бы Сыкуном, а не Грином.

– Умник прикрыл?

– Ага, еще и похвалил за смелость. При всех! – Грин закрыл глаза. – До сих пор от стыда пробирает. В этот самый момент я и решил, что обязательно выживу в этом гребаном мире.

– А сейчас уже не боишься?

– Боюсь, конечно, особенно если вижу рубера или элитника! – Грин с неподдельным уважением посмотрел в глаза Макс, и поднял бокал в приглашающем жесте. – За тебя, мой друг, за боевое крещение, за то, что ты жив. В Стиксе нужно ценить каждую минуту, потому что именно она может оказаться последней.

– Советуешь пуститься во все тяжкие и взять от жизни все?

– «Все» – это секс и выпивка? – с иронией уточнил Грин. – Больше здесь брать нечего!

– Ты забыл про наркотики, – Макс усмехнулся.

– Этого дерьма и в Улье хватает, но я не любитель спека, мой конек – гонки на авто, пусть даже по улицам мертвого города.

– Тебе нужны еще более сильные ощущения, чем дают бои с монстрами?

– Не знаю, возможно, – Грин отпил из стакана. – Все это больше похоже на обычную сублимацию от недотраха.

– Расскажи мне про Стикс, – попросил Максим, устраиваясь на старом продавленном матрасе поудобнее, – поведай на ночь страшную сказку.

– Ты точно хочешь слышать ее сегодня? – удивленно спросил Грин и лег набок, подложив под голову руку вместо подушки. – У тебя есть уникальная возможность уснуть в счастливом неведении.

– Я уже достаточно насмотрелся и знаю, откуда берутся дети, – Макс повернулся к напарнику и встретил его насмешливый взгляд. – Мне двадцать два года, если ты забыл.

– А мне – двадцать. Видимо, быть младшим – моя судьба: когда я встретил Умника, ему было двадцать четыре, – Грин помолчал, о чем-то задумавшись, а затем продолжил. – Я пытаюсь постичь смысл существования и механику Улья уже много лет, но не особо в этом преуспел. Общение со старожилками, которые способны к анализу и членораздельной речи без мата, тоже картинку не прояснило. Ты уже знаешь от Умника, что вся территория Стикса, точные размеры и конфигурацию которой не знает никто, разделена на кластеры. Они перезагружаются с разной периодичностью, забрасывая в Улей фрагменты из различных версий Земли. Перезагрузка кластеров происходит с частотой от нескольких дней до нескольких сотен, а может, и тысяч лет. Все неизменные на протяжении памяти ныне живущих называются стабами. В них мы и коротаем немногочисленные спокойные деньки. Вместе с кластерами сюда попадают ничего не подозревающие жители, которые становятся либо иммунными, либо зараженными.

– Какова доля иммунных среди людей?

– Нас всего около одного или двух процентов от общего числа.

– А сколько выживает?

– Хорошо, если десятая часть. Остальных сжирают твари.

– А что происходит с огромным количеством зараженных, их здесь должно быть нереально много?

– Жрут друг друга в конкурентной борьбе и непрерывно изменяются.

– В каком смысле?

– У них есть несколько стадий развития, плавно перетекающих одна в другую, – в голосе Грина прорезались менторские интонации. – Обычно после первых суток пребывания в Стиксе

человек превращается в ползуна. Совершенно безопасные для нас существа: передвигаются ползком, либо на четвереньках, мычат как бессловесные твари, но уже пытаются кого-нибудь сожрать. Если им везет, и они находят чьи-то объедки, превращаются в медляков. Классические зомби: ходят, шатаясь, по улицам, рычат и жрут кого ни попадя. Следующая стадия – прыгун. Они представляют опасность именно потому, что способны неожиданно ускориться и прыгнуть или пробежать несколько метров. Именно такого ты недавно пришел фонариком. Примерно через неделю после попадания в Стикс наш прыгун превратится в бегуна. Если, конечно, ему повезет выжить.

– На дороге и здесь мы валили бегунов?

– Классификация довольно условна, к тому же есть переходные состояния. Бегуны еще похожи на людей, эдакие продвинутые зомбаки. Нашей добычей стали матерые бегуны, или спидеры. Если обратил внимание, на людей они походят мало, разве что телосложением. Эти представляют уже реальную опасность, без оружия с ними лучше не встречаться. Спидеры постепенно становятся жрачами, или лотерейщиками. У этих вырастают новые зубы и начинают работать мозги. Если хватает еды и удачи, они превращаются в топтунов – похожих на безволосых медведей тварей с зачатками костяной брони на голове и плечах.

– Чем дальше в лес, тем толще партизаны, – заметил Макс растерянно.

– А впереди – самое интересное, друг мой! – продолжил Грин шепотом, скорчив страшную рожицу. – Кусачи, руберы и элитники, не к ночи будут упомянуты! Кусачей ты уже видел. Руберы еще больше, тяжелее и сильнее, они облачены в армированную биологическую броню и могут весить до полутонны. Я как-то рожок в такого расстрелял и не убил – БТР завалил из пушки.

– Мне здесь нравится все больше и больше...

– И это еще не все! – с торжеством заявил Грин. – Элитники. Смертоносные машины для убийства всего живого: умны, сильны и огромны. Обычные пули не берут, нужны гранатометы, пушки и крупнокалиберные пулеметы. В броне есть несколько уязвимых мест, но добраться до них достаточно сложно.

– Элитник – вершина эволюции зараженного?

– Да, они достаточно разумны, если произошли от человека.

– А есть другие варианты?

– Конечно, любое животное, которое обладает зачатками разума, способно стать элитником, – пояснил Грин. – Но такие обычно довольно тупы.

– Эта пищевая пирамида могла бы существовать без иммунных?

– Вполне, я считаю, что мы – всего лишь случайная флуктуация.

– А как передается болезнь?

– Это не болезнь даже, а паразитирующая субстанция, которая поражает живые организмы и вступает с ними в симбиоз, – объяснил Грин. – По крайней мере, так говорят местные ученые.

– Споровый мешок?

– Именно. Это самое уязвимое место зараженных, его разрушение приводит к мгновенной смерти. Я думаю, что содержимое этого нароста – основной нервный узел симбионта, или мозг, а спораны, горох и жемчужины – лишь его части.

– Зачем мы собираем спораны и горох?

– Без споранов, из которых делают живец, иммунные умирают или превращаются в зараженных. И этот процесс сопровождается ужасными мучениями. Уже завтра утром ты будешь ощущать симптомы похмелья, но дело вовсе не в спирте – организм будет требовать живец.

– То есть, употребление споранов и гороха – обязательное условие выживания в Улье?

– Без живца долго не протянешь, а горох – универсальное лекарство, вишенка на торте. Ускоряет заживление ран и процесс регенерации.

– Регенерации?

– Должно же быть во всем этом дерьме что-то хорошее, – Грин заговорщицки подмигнул. – Биологически мы с тобой бессмертны, друг мой. Более того, всегда будем выглядеть примерно на двадцать пять лет и чувствовать себя так же.

– Становится все интереснее и интереснее!

– Когда я увидел Философа и Профессора в первый раз, они были реальными старперами, бородатыми дедами-пенсионерами в очках, – сказал Грин, придав голосу старческое звучание. – Сейчас больше пятидесяти не дашь, зрение восстановилось, даже на баб заглядываться начали.

– А все потому, что очки сняли! – Макс засмеялся. – Дело в живце?

– Да хрен его знает. Некоторые считают, что мы – тоже заразившиеся, только организм реагирует иначе из-за мутации в ДНК.

– А если я проглочу споран или горох без спирта и уксуса?

– В лучшем случае отравишься, в худшем – отбросишь копыта. И будет больно. Говорят, что очень.

– А в чем секрет?

– Никакой тайны: растворяем и отфильтровываем раствор, чем лучше очистка – тем меньше отравы попадает в организм. Гороха тоже пить много нельзя, а то козленочком станешь, зубастым и желтоглазым.

– Как здесь живут люди?

– Недолго, – Грин горько усмехнулся, – если года три протянешь, то будешь считаться старожилом.

– Тебя, значит, можно поздравить, а какой стаж у Профа и Филадельфии?

– Около пяти лет, они в Улье появились еще до встречи с Умником. Мы вчетвером – сложившаяся команда, у одиночек здесь шансов нет. Точнее, были командой до смерти Умника.

– Меня сможете ассимилировать? – с робкой надеждой спросил Макс.

– Куда ты теперь денешься с подводной лодки, будешь замещать, – устало ответил Грин и зевнул. – Завтра с утра продолжу наш семинар, а сейчас давай спать.

ГЛАВА 7

Макс очнулся ото сна. Над ним нависала уродливая, покрытая наростами и шипами морда какого-то чудовища. В источающей зловоние пасти были видны два ряда зубов, которым позавидовала бы большая белая акула. Умный и проницательный взгляд желтых с оранжевыми крапинками глаз резко контрастировал с внешним обликом монстра и навевал мысли о разумности его обладателя.

Макс попытался пошевелиться и отвернуться от наводящего ужас создания, но понял, что абсолютно неподвижен. Страх почему-то не было. Он оставил тщетные попытки и обреченно посмотрел в желто-оранжевые омуты. Монстр медлил. Он взирал, не мигая, и как будто гипнотизировал Макса, отчего тот чувствовал себя хрупкой бабочкой в руках увлеченного энтомолога.

Максим зажмурился, смирившись с кошмарной участью, и вдруг ощутил чужие незнакомые мысли в собственной голове. Веки поднялись с трудом, словно нагруженные непомерной тяжестью. Втянув когти, в огромных, покрытых броней лапах он крепко держал хрупкое существо в грязно-зеленой одежде. В лице человека не было страха – лишь отрешенность.

Этот холодный пристальный взгляд был ему хорошо знаком. Когда-то много лет назад он каждый день видел его в зеркале. До тех пор, пока мир не рухнул, и сознание не подернулось пеленой забвения. А когда спустя некоторое время оно начало проясняться, все его существо заполонила неутолимая жажда крови, которую он не насытил до нынешних пор.

Неожиданное осознание себя было сродни броску в безвоздушное пространство. Он попытался закричать от ужаса, но человек внезапно освободился и накрыл его пасть исполинской ладонью.

Макс проснулся и увидел перед собой испуганное лицо Грина. Тело было напряжено как струна, сердце стучало, сбиваясь с ритма, а в горле звучал задушенный крик. Грин сидел у него на груди, крепко прижав его бедрами к кровати, и с силой зажимал рот мозолистой ладонью.

– Что происходит, ты бьешься в судорогах и истошно кричишь, я с трудом тебя удерживаю! – в дрожащем голосе был слышен неподдельный испуг. – Успокойся и не ори, я убираю руку!

– Все в порядке, – прохрипел Макс и ощутил, что кошмар отступает, напряжение проходит, а сердце постепенно замедляет свой суматошный бег. – Сон страшный приснился. Нужно было послушать тебя вчера и отложить разговор об Улье наутро.

– Оно уже наступило, можем продолжать, – Грин задумчиво посмотрел Макс в глаза, освободил его от железной хватки и вскочил на ноги. – У нас по плану тренинг с глубоким погружением. А пока глотни универсального лекарства.

– Давай! Виски – лучшее средство от ночных кошмаров, если пьешь его утром!

– Кошмар? – в голосе Грина прозвучала ирония, а в глазах заплясали бесенята. – С чего бы это? В таком распрекрасном санатории должны девки с третьим размером сниться, а ты орешь как пострадавший и зараженных пугаешь. Свожу тебя в районную поликлинику к знакомому психиатру.

Макс был чужаком в этом мире и еще не знал всех его тайн, но донельзя реальный сон напугал до холодного пота, враз выступившего на лбу. Казалось, что взгляд немигающих желтых глаз все еще следил за ним, неотвратно и неотступно.

Яркий свет из небольшого чердачного оконца слепил до боли и вызывал острое желание спрятаться в глубоком темном чулане. Отяжелевшая голова болела, руки дрожали, а по телу разлилась тягучая слабость. Согнув затекшие ноги в коленях, Макс понял, что уснул, даже не сняв ботинки. Фляга с живцом все также висела на поясе, оттягивая ремень. Он сделал несколько глотков уже знакомого до тошноты средства и почувствовал резкое облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.